

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Одной из досадных особенностей современного информационного поля является тот факт, что даже любопытнейшие мысли больших русских художников и деятелей культуры (скажем, таких как Карен Георгиевич Шахназаров), рассеянные по различным ток-шоу, никогда не складываются в концепцию единого мировоззрения. Происходит это потому, что каждое ток-шоу преследует узконаправленную цель и чаще всего не имеет логической связи с другими передачами цикла.

Это обстоятельство и спровоцировало мое естественное, как мне представляется, желание побеседовать с Кареном Шахназаровым неспешно и обстоятельно, расспросить о его мировоззрении в целом. Вскоре мне эта возможность представилась – и я услышал его развернутую оценку процессов в России и в мире, узнал ответы и на те свои вопросы, что имели отношение даже не к сегодняшнему дню, а к многим излучинам нашей цивилизации в ее историческом целом.

Думается, один из интереснейших методов Шахназарова в осмыслении современности – это поиск аналогий с прошлым и построение на основе этих аналогий гармоничной, при этом порой парадоксальной картины. Мне представляется особо привлекательным, что причинно-следственные связи, выявляемые знаменитым режиссером, неизменны по всей хронологической шкале истории. То есть современность Шахназарова начинается в невидимой для многих глубине веков. Его выводы, в отличие от выводов многих современных политологов, обеспечены завидной исторической эрудицией и некой особенной «образной» аналитикой, характерной, на мой взгляд, именно для русского художника.

Разумеется, всякий художник – философ по определению, с приличным багажом оригинальных идей. Но ведь писатель, живописец, режиссер не обязаны все без исключения мысли передавать опосредованно, языком искусства – то есть языком образов, драматических коллизий, гипербол и метафор, порою ярких и простых, а порой настолько тонких, что не всякому читателю явлен бывает их смысл. А уж режиссеры, таким образом, точно рисковали бы «самое интересное» оставить за кадром. Им просто не успеть втиснуть все свои идеи и мысли в каждую кинокартину. Ведь продюсеры ищут финансирование гораздо медленней, чем творческая мысль летит.

Слава богу, художники порой высказываются напрямую. В публицистических статьях и дневниковых записях. В дружеской переписке, публичных выступлениях, интервью. А теперь и в блогах (хотя, только это между нами, Карен Георгиевич их совсем не уважает). То ли дело – письма и дневники Пушкина, журнал «Дневник писателя» Достоевского, «Комментарии» Георгия Адамовича, давно ставшие классикой, или «Постижение истории» Тойнби.

Хотя, если честно, всё это тоже блоги. Просто лучшие блоги становятся книгами. Иногда ими становятся и большие развернутые интервью, претендующие на геополитическую целостность.

Другими словами, в этот момент благодарный зритель Карена Шахназарова превращается во время в читателя. Поскольку есть надежда, что и его читателю, как зрителю, не быть разочарованным. А быть ему безмерно озадаченным великой жизнью. Ее безмерностью и непредсказуемостью – от истока до необразаемого устья.

Михаил КРУПИН

Идея должна быть проста

Карен ШАХНАЗАРОВ: Я считаю, что сегодня, так или иначе, только евразийская идея способна сцементировать империю. Но она должна быть сформулирована достаточно ясно и просто – только тогда она будет понятна широким массам. Идея только тогда вдохновит их. У Льва Гумилева всё это, к сожалению, сформулировано слишком по-научному. Сегодня жизненно необходимо переложить ее на более простой и доходчивый, народный язык, чтобы она овладела «коллективным бессознательным».

Михаил КРУПИН: Примерно так, как Ленин переложил учение Маркса? «Власть Советам! – он сказал, это всем понятно». «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!», «Мир народам!» – гениальные слоганы, по-моему.

К. Ш.: Говоря современным языком, это закон PR-технологий. Большие идеи захватывают, когда они очень просто сформулированы. Ведь советская идея очень проста. В том числе и в этом отразилась гениальность Ленина. Очень сложные, теоретически многоходовые вещи он формулировал необыкновенно просто. И они становились доступны для людей, прямо скажем, малограмотных. Вот почему он и выиграл, кстати. Это свойство великих людей. Ведь и идеи христианства сформулированы очень просто.

Все слова Христа – ясны, прозрачны, образны, просты. И Евангелие очень просто написано. Также и Коран, вообще все великие религиозные книги. К сожалению, и такие антиидеи, как нацизм, захватили массы только потому, что были очень просто и привлекательно выражены.

Я к тому это говорю, что, на мой взгляд, евразийство – это та идея, которая может сцементировать наше пространство, если будет сформулирована достаточно просто и ясно.

Имперское и национальное

К. Ш.: Уже Петр I обращался не к русским, а к россиянам. То есть, может быть, этот алгоритм в отношении к соотечественникам и заложил именно Петр I. Принимая к сведению его природную гениальность и все достижения его царствования, думаю, что и эта его «реформа в обращении к народу» не какая-то случайность.

М. К.: Насколько мне помнится, даже в обращении к армии перед Полтавской битвой Петр ни разу не произнес «русские», а говорил «Отечество», «Россия», «благочестие российское» и тому подобное.

К. Ш.: И это неслучайно. Именно Петр придал формальную (в хорошем смысле слова) завершенность российской евразийской империи. Иван Грозный заложил ее основы, а Петр I ее уже оформил идеологически. Поэтому он и обращается именно к россиянам. То есть – не только русских он считает своими соотечественниками и гражданами своего государства, а и татар, башкиров, калмыков, прибалтов, которых тогда называли лифляндцами, малороссов, лопарей... И он всех объединяет этим.

Впоследствии в истории были у нас и обратные тенденции. Но все-таки по сравнению с национализмом немецким или англосакским русский национализм остался, по сути, в зачаточном состоянии. А интернациональная идея СССР вообще на 70 лет подавила любой национализм. В том числе и русский. Поскольку он был с советскими идеями просто несовместим. Ты должен был прежде всего быть советским. Поэтому даже совсем невинные проявления национального самосознания в Советском Союзе пресекались в зародыше.

М. К.: Позвольте, но были же этнографические коллективы, народные театры, различные национальные ансамбли. Изучались культуры народов и народностей СССР, всюду создавались центры изучения этих культур. Открывались выставки, музеи...

К. Ш.: Разумеется, но при этом власть четко отслеживала, чтобы всё это ни на шаг не приближалось к области политики. Это было неприемлемо. Для советской идеи не только русский, а вообще ничей национализм был неприемлем. Ни грузинский, ни армянский, ни эстонский, ни украинский.

М. К.: Но ведь даже товарища Сталина, главного вождя СССР на протяжении 30 лет, сегодня многие считают русским националистом. На мой взгляд, для этого имеются веские основания. Взять хотя бы его тост во время празднования Победы над Германией – именно «за русский народ». Хотя против армии Вермахта (кстати, тоже многонациональной) все народы СССР воевали...

К. Ш.: Да, Сталин очень ценил именно русских, еще бы! – кто-кто, а Сталин не мог не ценить способность русского народа к беспредель-

ному терпению, к самопожертвованию. Не мог не ценить его преданность, его многогранные таланты. Но при этом Сталин и сам не допускал пережестости в этом деле, и другим не позволял, поскольку Сталин строил интернациональную империю и не мог допустить дисбаланс в этом деле.

М. К.: Для меня еще вот в чем загадка: почему Сталин, будучи уже безраздельным властелином империи, оставил эти ленинские границы между республиками? Ведь нарезка этих границ в 1921 году, по сути, была вынужденным явлением. Почему Сталин, даже в пору своего наивысшего могущества, эту ерунду не отменил? Ведь что же больше национальных границ, как таковых, питает сепаратизм? Есть границы – значит, есть нация, и возможно отделение, создание своего государства. А нет границ – соответственно этих проблем просто нет! Что от чего отделять?

К. Ш.: Думаю, здесь вы, Михаил, ошибаетесь. Если имеется народ с тягой к самостоятельной жизни – охотников провести границы всегда хватит. Им главное – выждать подходящий исторический момент. Правомерность этих мыслей 1917 год демонстрирует воочию. Тогда многие границы между Россией и национальными республиками стали возникать еще при Керенском, без всякого вмешательства Ленина.

Так что союзные границы СССР 1922 года появились отнюдь не на пустом месте. И даже в годы наивысшего могущества Сталина взять и отменить их было далеко не просто. А куда народы денешь?

М. К.: Объявить всех единым советским народом.

К. Ш.: К этому большевики и вели, но при всем своем максимализме понимали, что процесс формирования единого народа из множества, так сказать, «подвластных племен» – дело совсем небыстрое. За несколько десятилетий здесь ничего не происходит. К тому же у всех ключевых ленинских решений был статус священных. Сталину не так-то просто было что-то переформатировать.

Но главное – стоит ли вообще упрекать Ленина за эти границы? Как ни крути, это была одна из основополагающих идей, которая позволила ему собрать страну. Как было иначе смонтировать фрагменты распавшейся Российской империи? Он придумал объединить эти куски как равноправные национальные республики! Думаю, мы до сих пор недооцениваем это решение.

М. К.: Наверное, умом это можно понять, а вот сердцем... Ведь Ленин придал тогда Украинской ССР все пролетарские регионы Донбасса, Луганска, Екатеринослава, да и порты Одессы, Николаева, Херсона, о которых никогда в истории и речь не заходила, что они там чьи-то, не русские. Причина этого ясна: Ленин, преследуя сиюминутные цели, стремился аграрной республике подарить пролетарский «электорат», который на съездах будет голосовать правильно и вообще придерживаться ленинского курса. Но сейчас от этого не легче.

А Казахстану какие огромные территории были подарены – и русские промышленные центры Южного Урала, и плодороднейшие целинные земли. Только за то, чтобы казахи поддерживали СССР. А потом там нефть нашли...

В итоге все эти великодушные подарки, да и сама нарезка исторически неоправданных границ стали очень хорошо питать... даже не национализм, а именно сепаратизм наших окраин. Неужели Сталин этого не видел?

К. Ш.: У меня на этот счет совсем другое мнение. Причем оно не противоположно вашему, просто совсем другое. То, что во время образования

СССР Ленин подарил часть исконно российских территорий национальным республикам, было, на мой взгляд, тактическим ходом большого политика.

Разумеется, при этом ни Ленин, ни Сталин не предполагали, что эти территории и их богатства когда-нибудь уйдут из их государства. Но, если взглянуть шире, что при этом переделе произошло? По сути, коренное переустройство евразийского пространства. Причем экономически более правильное. Поскольку Ленин и Сталин (что бы там ни говорили о них нынешние либералы) были сильными хозяйственниками и экономистами. Да, в итоге – параллельно с развитием экономики этих республик, с усилением их производственных мощностей – развивались и тенденции к сепаратизму. То есть к обретению полной самостоятельности. Но даже после 1991 года эти новые самостоятельные государства все равно остались неотъемлемой частью Евразии.

Мы же рванули в 90-е на Запад, бросив их. Но теперь-то мы видим, что Россия все равно не может существовать без этого евразийского пояса. Мы теперь все равно должны выстраивать «особые отношения» с теми странами, которые органически входят в понятие Евразии. Мы понимаем, что зависимы от Казахстана, от Киргизии, от Таджикистана, теперь Украина для нас – головная боль. Мы не можем вытолкнуть их со своей орбиты.

Таким образом, на мой взгляд, 1991 год, несмотря на его драматичность, оказался моментом объективного переустройства всего евразийского мира, его политической и экономической трансформации. Пожалуй, сегодня расстановка сил на евразийской карте даже оптимальна для современных реалий, для развития рыночной экономики евразийского континента. Да, у нас была тенденция бросить все «на волю божью», но мы все равно возвращаемся к необходимости *заниматься* своим окружением. Это не значит, что мы всё восстановим в прежнем виде, но то, что евразийское пространство восстанавливается и что существует объективная необходимость его восстановить, – уже очевидно для многих. Без этого мы погибнем.

М. К.: Но вам не кажется, что не погибнуть было бы гораздо проще, если бы мы в своем интернациональном запале не придумывали бы наций, которых даже не было.

К. Ш.: Я понимаю, о чем речь. Сегодня мы часто слышим, что вроде бы украинского народа и не было. Вроде как его австрийцы придумали в своих политических целях. Мол, это было сделано с той целью, чтобы славяне на восточной окраине Австро-Венгерской империи перестали себя идентифицировать с русскими, и тогда можно было бы заставить их сражаться с оружием в руках против России. Да, такие действия австрийцами предпринимались, это известно. Тех, кто записывал себя украинцем, а не русским, они продвигали по службе, помогали получить образование. Все это, конечно, было актуально накануне Первой мировой войны.

Но у меня возникают большие сомнения в том, что украинского народа до этих манипуляций не существовало. Что, в XIX веке не было Тараса Шевченко, слагавшего стихи на родном языке? Что, слова «Украина» для обозначения своей родины в них нет?

И потом, австрийцы владели только очень малой частью Украины, ее самыми западными землями, а между тем – что мы наблюдаем в Киеве сразу после Февральской революции? Практически сразу после падения русского самодержавия там была создана Центральная Рада. И вскоре была провозглашена Украинская Народная Республика, кото-

рая приобретала и гетманский вид, и петлюровский, и только в какой-то там третьей редакции – советский.

Так что «украинский вопрос» не на пустом месте возник. Его нужно было решать. И оказалось, что решить его возможно, только предоставив украинскому народу (как и всем другим народам) право на самоопределение. И свою территорию, естественно.

Поэтому ленинское решение было гениально. Российская империя практически уже развалилась, а Ленин за очень короткий срок сумел ее пересобрать заново. За исключением разве что Польши и Финляндии, которые и не нужны были, по сути дела. Ленин в этом смысле был евразиец абсолютно. Я тоже согласен с той идеей, что некие пределы «евразийского мира» существуют объективно и, когда евразийский мир пытается за них выйти, он терпит крах. Поскольку это сверхобъемное образование уже избыточно, неорганично. Другими словами, когда евразийская цивилизация стремится объять собой и Польшу, и Финляндию, и Эстонию, оно как бы выходит за свои пределы. И это в течение какого-то времени становится для всех очевидно.

Центробежные тенденции сегодня

М. К.: Действительно, после февраля 1917 года национальные окраины начали помалу «отползать» от бывшего центра Российской империи. Я уж о Прибалтике, Польше, Финляндии и не говорю. Не только гетманская Украина и народы Кавказа и Закавказья заявили о своей самостоятельности. То же самое – ханства и эмираты Средней Азии. Более того, даже Донская казачья республика возникла – на землях, казалось бы, исконно русских! Образовалась и Дальневосточная республика.

Но что это означает? Это означает, что у процесса распада нашей земли уже имеются, по сути, исторические корни. Не значит ли это, что данный процесс объективен? Да, Ленин в силу своей гениальности собрал опять страну. Заманил народы заново в империю социализмом, интернационализмом, еще какими-то кренделями небесными. Подарил чуть ли не каждой национальной республике новые лакомые территории, откусив их от РСФСР. Нарезал вот эти границы. Но раз процессы разделения протекали объективно, то вот объективно они в начале 90-х и продолжились. Едва имперская узда ослабла, все окончательно и расплозлось. Вопрос только в том – окончательно ли? Может, всё это намерено и дальше расплозаться? Национальных окраин в Российской Федерации тоже хватает. А прописанный в Конституции их автономный статус – не панацея. Как не панацея любая бумажка. Мы видели это в 90-е на примере Чечни. В меньшей степени, но были центробежные тенденции и на Урале, в Татарстане...

К. Ш.: На мой взгляд, сегодня это самая большая «головная боль» для людей, которые задумываются о своей стране. Как дальше этот процесс будет протекать в течение нового столетия, мы не знаем. Не исключено, что центробежные тенденции подспудно накапливаются, и нам просто кажется сейчас, что распад вроде как приостановился. Более того, сегодня у нас ощущение, что Россия возрождается...

Но процессы распада империй могут занимать столетия. Поэтому, конечно, такие мысли приходят в голову. Но я абсолютно убежден, что подобные вопросы стоят за пределами возможностей нашего интеллекта.

При этом я лично своими действиями, так или иначе, пытаюсь препятствовать процессам распада, несмотря на возможную их, так сказать, объективность. Если взять историческую панораму, то – конечно – утешительного мало. Вот на фундаменте Московского царства возникла Российская империя. В XIX веке она достигла наивысшего расцвета. Но ее идея – монархическая, а затем вот это «Православие, Самодержавие, Народность» – довольно быстро перестала работать. Она не работала уже в силу того, что национальный состав государства ей не соответствовал. Русских было уже меньшинство. Поэтому понятно, что для большей части населения это была совершенно чуждая идея. Ленин предложил новую идею, советскую, которая сумела эту многонациональную территорию объединить. Но посмотрите, что в итоге получается. По отношению к Российской империи ленинское государство сузилось – потеряв не только Польшу и Финляндию (о небольшой цене этой потери мы говорили), но и всю Прибалтику, и Западные Белоруссию с Украиной, и часть Молдавии. Эти территории были возвращены в состав империи только спустя 20 лет, в результате военных операций. То есть это временное приобретение было сделано путем захвата, а не добровольного присоединения государств. Таким образом, это присоединение не имело ничего общего с воссоединением Украины с Россией в XVII веке, проведенное по инициативе Богдана Хмельницкого, ни с вхождением Грузии и Армении в начале XIX века в состав Российской империи по просьбе грузинского и армянского царей о покровительстве.

Эта тенденция к сужению империи просматривается и дальше. В 199 году в одночасье империя теряет все окраины, которые были собраны Лениным и Сталиным под именем «советских республик». А через пару лет и некоторые «автономные» чуть не отправились следом.

Но если взглянуть на историю Римской империи, затем Византии, затем Великобритании, мы увидим сходные процессы. Правда, все это было растянуто на протяжении долгих веков. И века эти уже миновали, стали историей. Поэтому мы и взираем сейчас на распад этих империй так спокойно.

М. К.: И все же мы при этом замечаем, что распад происходил в первую очередь там, где не нашлось объединительной идеи. Может быть, нам еще стоит ее поискать? Вдруг у нас есть шанс?

К. Ш.: Честно говоря, с идеологией и вообще с идеями, которые могут объединить эту страну, сегодня туго. Вот, скажем, православие. Но для большей части нашего населения это достаточно чуждая идея. Для тех же российских граждан мусульманского вероисповедания. Атеистов у нас до сих пор тоже немало. Или людей, которые во что-то верят, но в храм и не заходят – ни в православный, ни в католический, ни в буддийский, ни в какой. То есть такой объединительной идеи, как советская, которая могла бы держать такую разнородную многонациональную страну, у нас сегодня нет.

Конечно, существует философская идея «евразийства», о которой мы уже немного говорили. Эту идею, повторю, наиболее ярко и внятно, на мой взгляд, Лев Гумилев сформулировал. Но даже в его подаче, бесспорно талантливой, эта идея, пожалуй, чересчур сложна, излишне научна, что ли, чтобы охватить массы.

А то, что придумали большевики сто лет назад, было очень просто, абсолютно понятно каждому, даже необразованному человеку. И в этом

был залог жизнеспособности этой идеи. В целом все народы Российской империи (да и не только! – и монголы, и китайцы, и многие другие) тогда с этой идеей согласились. Всегда был, конечно, кто-то и против. Но этой погрешностью, как говорят ученые, можно пренебречь. В целом этот подход всеми был принят. Несмотря на то что советская идея быстро уничтожила всех своих конкурентов. Становясь общенародной религией, по сути, она упразднила и православие, и ислам, и иудаизм, и буддизм. По крайней мере, загнала в подполье.

М. К.: Не будем преувеличивать: церковь в СССР не была запрещена официально, хотя была отделена от государства. Но, как ни странно, это и с Евангелием в чем-то согласуется: «Кесарю кесарево, а Божие Богу». При этом в каждом городе имелись действующие храмы, хоть и не в том количестве, что до революции.

К. Ш.: Церковь не была запрещена официально, но – не забывайте – это абсолютно не приветствовалось. Ты никакой карьеры не мог сделать ни в какой сфере общественной жизни, если ходил в храм или крестик носил.

Да и в христианских странах в первые века христианства язычество не было запрещено. Но постепенно все эти «конкурирующие культы» так или иначе изживались, оттеснялись в захолустья... Да, где-то без репрессий дело обходилось, но где-то поступали с конкурентами в «области духовности и нравственности» вполне бесчеловечно.

А с другой стороны... Вот вы говорите – было мало церквей, не как при царе и не как сейчас. Но больше тогда и не требовалось! Людей объединяли совсем другие вещи.

М. К.: Если уж мы говорим о советской объединительной идее, нельзя не заметить, что она далеко не исчерпывалась интернационализмом. Это была прежде всего идея социалистическая. Это равенство и братство. Вы же сами говорили, что только терминология в «геноме веры» у людей была подправлена. А так идея равенства и братства – по сути христианская. Как, впрочем, и идея интернационализма. Для царства Божия «нет ни эллина, ни иудея».

К. Ш.: Ну, конечно, СССР – это в первую очередь идея равенства. Социальной справедливости. По сути, эта идея находится не столько в интеллектуальной сфере, сколько в эмоциональной. Которая смыкается с религиозной. То есть: «Давайте мы построим царство небесное не на небе, а на земле!» Если прочесть рассказы Андрея Платонова или его роман «Чевенгур», можно очень хорошо увидеть и прочувствовать, как эти идеи овладевали полуграмотными массами. И, кажется, именно в силу своей полуграмотности, а порой и полной необразованности эти массы проявляли чрезвычайную эмоциональность. Платоновский пролетарий или крестьянин всегда поступает «под влиянием чувства», «для самого себя внезапно». И когда ты читаешь Платонова, чувствуешь, что вся эта фантастика, которая творилась в России тогда, для этих людей абсолютно естественна и органична.

А сегодня подобных идей, которые зажгли бы и безграмотных, и грамотных, у нас не наблюдается. Идея «Русского мира», на мой взгляд, чересчур узка. Она едва ли сумеет объединить всю страну. Чтобы прекрасно себя чувствовать в лоне советской идеи, ты мог быть и китайцем. Причем мог даже не приезжать из Китая, а все равно чувствовать себя советским человеком. Эта идея была универсальна, именно поэтому она и давала так много союзников СССР.

На мой взгляд, Русская идея не способна заместить Советскую идею. И в этом проблема. Именно поэтому так трудно сказать, куда мы все сегодня движемся.

Сегодня я по-прежнему надеюсь, что сегодняшнее состояние России – это некая ее новая форма, что Россия, избавившись от балласта окраин, приобрела некое ускорение. И действительно, мы видим, что за эти 25 лет, что прошли после распада Советского Союза, Россия вернулась в число сверхдержав. Я думаю, сегодня, при всех наших минусах, экономически мы развиваемся достаточно успешно.

М. К.: Вы полагаете, успешно? Но успешность – понятие относительное. Давайте пофантазируем: вот Советский Союз, преодолев проблемы конца восьмидесятых, остается жить. Каких успехов он достиг бы за четверть века, не затормозившись на провальное десятилетие 90-х?

Присмотримся к тем темпам, с которыми он шел до этого. Вот 50-е годы, большинство советских граждан живет в коммуналках. Вот проходит 10-15 лет – у всех отдельные квартиры. Вот еще проходит 10 лет – у большинства автомобили и дачи. На мой взгляд, благосостояние советских граждан могло бы и дальше расти в хорошем темпе, если бы не произошел слом страны.

К. Ш.: Я думаю, эта перспектива далее восьмидесятых уже не распространялась. Потом, ты говоришь, «если бы не слом страны», но слом страны был делом совершенно объективным, и избежать его было нельзя. Вообще процессы распада в организме Советского Союза, на мой взгляд, обозначились уже после 1953 года. Советский Союз мог работать эффективно только при таком руководителе, как Сталин. Эта система по-другому не работала. Она была рассчитана на деспотическое руководство. И, как ни странно (что бы нам ни говорили наши либералы), народ всё это принял. А если бы не принял, и страны сегодня не было бы. Он согласился с этим типом руководства в тридцатые годы, соглашался с ним и в сороковые, и в пятидесятые. Именно по этой причине была проведена невероятно быстрая модернизация страны. Если бы мы ее не провели, России не было бы, однозначно. Ее бы уничтожили. Может быть, именно в этом состояла миссия большевиков. Издержки их идеологии – это, по сути, надстройка. Суть в том, что они провели модернизацию. Победили в войне со всей Европой. И восстановили страну после страшной войны. При этом они заложили такой фундамент, создали такую экономическую и производственную базу государства, на которой уже можно было выстраивать новую систему экономических взаимоотношений. Ведь, так или иначе, это было неизбежно. Можно уверенно сказать, что после ухода Сталина его система сразу начала пошатываться. В сущности, уже в 50-е стали заметны первые признаки обрушения.

М. К.: Вы неоднократно говорили, что советская система, после того как стала уходить «сталинская гвардия», перестала рождать ярких лидеров. То есть во власть перестали приходиться сильные, мыслящие, харизматичные люди. На мой взгляд, это даже не один из недостатков советской системы, а это ее главный изъян, ее ахиллесова пята. Если бы не это, Советский Союз устоял бы.

К. Ш.: Но этого быть не могло. В итоге во власть приходили люди, которые в глазах народа только дискредитировали советскую власть. И своими действиями, и бесконечной демагогией. Практически у всех советских людей к середине восьмидесятых возникло внутреннее ощущение, что эта система уже не работает.

Дело даже не в том, что неординарных людей не пускали во власть, а в том, что даровитые люди уже сами не стремились туда. Вот когда я пришел на Мосфильм – кто был на Мосфильме секретарем парткома? Всегда самый слабый из режиссеров. То есть талантливые люди уже сами не видели перспектив как для этой системы, так и для себя в этой системе.

М. К.: И совершенно напрасно. Так как именно эта система породила первую российскую буржуазию, когда пришло время делить страну.

К. Ш.: Но эта первая буржуазия стала в полном смысле компрадорской. То есть самой презренной из буржуазий, которая зарабатывает тем, что сливает все национальные ресурсы за рубеж, распродает национальную собственность и открывает внутренний рынок для чужого производителя. А ничего другого бывшие партийные и комсомольские бюрократы делать не умели. Тем не менее в конце восьмидесятых – начале девяностых они правильно почувствовали, что советская система дает сбой. Может быть, у них это происходило на подсознательном уровне. Но сама советская бюрократия стала могильщиком своей системы, выдвигая Ельцина на все ведущие посты.

От распада до расцвета

К. Ш.: Вот, говорят, Горбачев – предатель. Да, Горбачев совершил массу ошибок. Сегодня только ленивый не обвиняет его в том, что он пытался понравиться Западу. Но не в этом дело, он действительно пытался сохранить СССР. Провести необходимые перемены. Но он не понимал, как это сделать. И при этом пытался. Конечно, это приводило к хаотическим метаниям и дополнительной разбалансировке всей системы.

Но могильщиком этой системы все-таки стал Ельцин. Он был ставленник той части (надо сказать, большей части) советской номенклатуры, которая поняла, что надо захватывать собственность. Что подходящий момент наступил, «время пришло», что сейчас это можно. Эта часть номенклатуры и превратилась в компрадорскую буржуазию. А другой она и не могла быть. Потому что буржуазия в тот период могла только разрушить всё и продавать. А продавать куда? На Запад. Вот она и занялась этим делом.

М. К.: «О, сюжет, а?!» – как говорил Владимир Басов в «Я шагаю по Москве». А ведь, пожалуй, у нее, действительно, не было другого пути. Ведь что-то создавать – значит, подхватывать какие-то наработки Советского Союза. А тогда страна не рухнет, вот и не поделишь собственность. Парадокс.

К. Ш.: Это так, но следующим этапом оказался... Путин. То есть его ставили, понятно, как «смотрящего» от этой компрадорской буржуазии, которую вывел на свет Ельцин. Но Путин вскоре почувствовал свою опору в национальной буржуазии, которая в то время только начала формироваться. Да, он тоже представитель этого класса. Но у той буржуазии, на которую он опирается, несколько иной интерес. Эти уже не хотели просто гнать всё за рубеж. Кто-то из них уже получил предприятия. И им тоже нужен был человек, который будет охранять их интересы. И в общем-то вполне естественно, что интересы национальной буржуазии оказались российскому президенту гораздо ближе компрадорских интересов. В свою очередь, национальная буржуазия была

заинтересована в укреплении государственной власти, заинтересована в защите России. Не из альтруизма и горячего патриотизма, а просто в силу своего материального интереса.

Так или иначе, национальная буржуазия встала на защиту собственной страны. Ведь таким образом она охраняла себя, свои состояния. Просто ее интересы в этот исторический промежуток совпали с общим интересом российского народа. Тем более что народ уже очень хорошо понимал, какую опасность несет в себе компрадорская буржуазия, которая готова была вообще все распродать.

М. К.: Посмотрите, как часто теперь в ваших рассуждениях мелькают слова «интересы», «собственность»... И ведь они не просто связывают между собой другие слова в предложениях. Они словно частички качественного бетона уже скрепляют государство и страну. То есть что получается?..

К. Ш.: Получается, явился крупный собственник – и угроза распада страны стала сразу отодвигаться куда-то. Как ни крути, а государство скрепляют кровные интересы сильных и влиятельных людей, их близких, их семей. Конечно, можно к этому приклеить ярлык «коррупции». Но это не «коррупция». Это то, чего как раз не хватало СССР. Всем был Советский Союз хорош – и социальной справедливостью, и интернационализмом, одно плохо – у его руководителей не было наследуемой собственности, а значит, не было и интересов, которые днем и ночью надлежало охранять.

Вот почему у советской бюрократии, то есть и у самого СССР, не оказалось крепкого инстинкта самосохранения. У советского человека и даже советского чиновника по большому счету интереса глубинного не было. Появилась собственность, большая собственность – и одновременно появились интересы. Семейные, клановые, корпоративные, как хотите назовите. Маркс называл их «классовыми интересами». Соответственно появились и воля, и предприимчивость, и профессиональные навыки, чтобы эти интересы защищать.

В системе той экономики, в которой мы сейчас живем, то есть в рыночной системе, собственность становится и тем стимулом, который заставляет национальную буржуазию охранять свою страну.

Я поэтому и утверждаю, что марксизм во многом прав. В данном случае он прав в отношении того, что классы существуют. Они существуют во всей очевидности, как бы нас ни пытались сегодня уверить, что эти классы размыты, текучи и что вообще такие термины – какой-то анахронизм, пережиток устаревшей идеологии. Нет, размыты они в чьем-то сознании или нет, но классы совершенно точно существуют, и представители их обладают совершенно отчетливым классовым сознанием. Даже в обыденной жизни я часто такое встречаю. Поговори с людьми, у которых есть большая собственность, – и сразу убедишься, что сознание их – абсолютно классовое. Оно обусловлено тем, что они очень хотят эту собственность сохранить, преумножить и передать по наследству. Поэтому им важно жить в государстве, которое их собственность надежно охраняет.

Соответственно, если представить, что в государстве, охраняемом национальной буржуазией, придет к власти такой человек, как Горбачев, уже через несколько месяцев он будет отправлен в отставку. Он просто ничего не сможет раскачать в отлаженной и охраняемой системе. Да они бы и Ельцина не потерпели. Зачем им такой разрушитель?

М. К.: Теперь вспоминается финал вашей картины «Сны». Картина удивительно безотрадная. Одна линия там – рафинированное дворянство конца XIX века, бессильное предотвратить революционный взрыв. Вторая линия – действительность 1992–1993 годов, хаос, непонятное СНГ, полный разброд в политике, морали, искусстве, в общем, во всех областях. Полный развал экономики... И только в финале фильма – лучик надежды. Такой очень странный лучик, когда Семен Борисович, бухгалтер столовой, в общем-то одиозный персонаж, такой озабоченный циник, приводит героиню в полуразвалившийся старинный особняк, который он купил за бесценок и хочет отремонтировать. И вот он доску поднимает с пола и бранит рабочего: «Вечно все бросит этот Славка» – это, по-моему, последние слова вообще в фильме. И в этом движении и этих словах и есть лучик надежды. Что страна поднимется. Ее поднимут эти самые смешные Семены Борисовичи, как доску с пола, потому что то, что им досталось на руинах государства, это уже их драгоценная собственность. То есть это и была та самая нарождающаяся на место компрадорской «национальная буржуазия». Вы уже в 1992-м понимали это? Или сняли эти кадры подсознательно, каким-то чутьем?

К. Ш.: Не помню, понимал ли я тогда это. Думаю, создание фильма, как и любого художественного произведения, движется по другим законам, чем просто анализ публицистический или политический. Там гораздо больше интуиции, каких-то эмоциональных ощущений, чем анализа. Начинают проявляться и выстраиваться какие-то образы, но другой вопрос, что они действительно порой могут художественно отразить реальные процессы в обществе. В этом и сила художественного творчества, что оно порой более точно ухватывает суть происходящего, чем специально созданные институты.

В определенной степени творчество может даже прогнозировать. Но это, мне кажется, происходит обычно помимо воли художника. Там работают какие-то другие механизмы. Это интуиция, эмоции... Может быть, даже какие-то еще неизвестные науке органы восприятия. Поэтому я даже не помню, насколько я тогда улавливал соотношение того, что я снимаю, с политическими реалиями. А тем более с будущим своей страны.

Но в целом вы оказываетесь правы: да, в определенной степени национально ориентированная буржуазия начала формироваться уже в 90-е годы.

М. К.: Может быть, даже в 80-е? Цеховики, фарца...

К. Ш.: Отчасти. Ведь большинство этих людей все-таки превратилось в компрадорскую буржуазию. Хотя некоторые ушли под бандитов 90-х, а затем, действительно, стали частью национальной буржуазии. И в той или иной степени сегодня они строят страну. Если в советское время строителями страны были челюскинцы, комсомольцы-добровольцы, люди, фанатично преданные идее, то в 90-е годы совсем другие люди пришли. Но они тоже строят. Да, со всякими безобразиями, с коррупцией, с воровством, но хочешь не хочешь, строят. Достаточно взглянуть на Москву девяностых годов. Что это было? Это ужас был. А взгляни – сейчас Москва какая стала?

Иные и сегодня говорят: «Что вы, не видите, что страна гибнет? У нас ничего не делается!» Но это неправда. Делается. Просто делается совсем не так, как это делалось в советское время. Сегодня действуют совсем другие механизмы.

Говорят: «Отъедьте от Москвы на 100 километров – и в ужас придете». Да я отъезжал и на 100 километров, и гораздо дальше – и видел удивительные достижения. Есть, конечно, и полные дыры, а есть и обратное. Вот – Тула. Я сто лет там не был, и вот съездил. Совсем другой стал город – красивый, современный. Захолустьем или глубинкой язык не повернется назвать его.

Я говорю сейчас о том, что не следует все видеть только с одной стороны. Это не значит, что у нас проблем нет. Но если что-то строится, то это строит уже новая национальная буржуазия. И таким образом она становится оплотом государства.

Феномен советского человека

М. К.: Но эти рассуждения ведут и к такому печальному выводу: Советский Союз, вся его идеология, мощная пропагандистская машина, все его искусство и литература, пионерия и комсомол, старались воспитать так называемого «советского человека», но, получается, этот феномен так и не был рожден? Поэтому советское государство и рассыпалось. А как только включился эгоизм собственника, известный нам издревле, так сказать, как тут же государство укрепилось и худо-бедно продолжило свой путь.

Но почему не удалось воспитать «советского человека» в том значении, которое вкладывали в него лучшие советские художники и идеологи? Ведь он неоднократно изображался и в живописи, и в литературе, и в кино, и в музыке. Он был как живой! И в детстве я в него верил!..

Или этот феномен был все же рожден, только встречался нечасто (его только еще предстояло «размножить»?) и властных полномочий не достиг? То есть он просто не оказался «в нужное время в нужном месте», поэтому и не смог защитить свою страну? Не сумел оказать сопротивления ни выродившийся партийной номенклатуре, ни компрадорской буржуазии?

Или этот феномен «советского человека» изначально был какой-то выдумкой, иллюзией? Не было шанса его воспитать?

Тогда, получается, СССР действительно держался больше на страхе, чем на сознательности и энтузиазме масс? Страх вынули – и ничего другого не осталось? Но что же делать с этими шедеврами? С картинами Герасимова, Александрова, Пырьева, Хуциева, Зархи, Шукшина, раннего Михалкова? Что же, все это ложь? Или просто красивая сказка? Недостижимая мечта?

К. Ш.: На это каскад вопросов надо и отвечать постепенно. Итак, была у коммунистов-ленинцев такая, надо сказать, дерзкая идея – переделать человека, пересоздать его природу. В принципе идея-то хорошая, сильная в основе своей. И тоже, кстати, очень близкая христианству: там смысл бытия человеческого тоже – уход от своей тварной, брэнной природы, от всех дьявольских соблазнов и приход к «образу и подобию Божьему». Стяжание Духа Святого, отказ от эгоизма, свершение подвигов во славу Божью и другие благие деяния... В итоге – Царствие Небесное. Чтобы в это Царствие попасть, надо было, в общем-то, существенно свою природу изменить (в общем, говоря советским языком – «поработать над собой»).

М. К.: Собственно, почти то же и предлагали большевики. Только без идеи Бога. А вот идея смирения, кажется, им была очень близка.

Для ее «успешного проведения в жизнь» кто только на место Бога ни вставал – «Коллектив», Наука, Природа-матушка, сакрализованный народ, Коммунизм, Родина-мать, и так далее. В общем, большевистских божеств было много.

К. Ш.: С их помощью и собирались создать нового человека. Но, оказывается, идолопоклонство – не лучший метод. Тем не менее в 30 – 40-е создавалось впечатление, что советский человек уже практически воспитан, создан. Огромное количество героев Великой Отечественной войны – тому прямое подтверждение. Литературные герои того периода, в общем-то, ничуть не согрешали против правды. Летчик Мересьев, герой романа «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, имел реальный прототип – летчика Маресьева, который, лишившись стоп обеих ног, продолжал воевать и управлять боевым самолетом. Когда в первый раз у кого-то возникла такая идея, Мересьев сам изумляется: «Как же я могу без ног сесть за штурвал самолета?» А ему говорят: «Ну ты же советский человек!» И это как заклинание чудесное действует. Дает небывалые силы...

Но оказалось, что такие люди появляются в эпоху испытаний, когда народ фактически поставлен перед выбором – победить или погибнуть. Или точнее сказать: победить или окунуться в долгие годы рабства, прозябания под чужеземным игом. Тогда из народной среды поднимается множество героев. Но так было не только в советское время, так было и во время войны 1812 года, и во время Севастопольской обороны в Крымскую войну...

Если брать 20-е, 30-е – там большую роль в стремление людей к «советскому образу и подобию» играло то, что они вдруг были названы хозяевами своей земли! Была отменена «эксплуатация человека человеком». И огромные массы людей, родители которых еще работали «на дядю», на помещиков и фабрикантов, вдруг получили доступ к высшему образованию, к бесплатному жилью и медицине, да и, по сути, к управлению страной. Конечно, всем тогда хотелось быть советскими людьми. При этом все жили еще бедно, поэтому тянулись друг к другу, так было легче и удобней выживать, решать свои задачи. Отсюда и естественный коллективизм, присущий советскому человеку в 30-е, 40-е.

А вот уже с конца 50-х, когда благополучие стало расти, а при этом «царство коммунизма», когда «от каждого по способностям, каждому по потребностям», всё откладывалось, народ все менее и менее остается коллективистом. А поскольку сталинской «узды» уже не стало, повсеместно усиливаются злоупотребления, воровство, кумовство, лентяйство и так далее. Народ все это видел и постепенно стал разочаровываться в советской системе. «Если они так, чего ж я-то буду?», «Мне что, больше всех надо?» – вот типичные высказывания того времени.

Тем не менее это была одна из самых необыкновенных идей в мировой культуре – создать идеальный народ идеальных людей, лишенных корыстолюбия, алчности и всех недостатков, свойственных обычному человеку.

В этом смысле, надо сказать, большевики потерпели крах. Выяснилось, что пока такого человека создать невозможно. Личный интерес и интересы собственности все равно остаются важнейшими.

М. К.: На мой взгляд, это у вас очень внятно показано в фильме «Курьер», который был снят на заре перестройке, то есть еще в таком нормальном, золотом СССР. Но все герои этого кино – совершенно уже

несоветские. Вспомним эпизод, где сотрудники редакции рассказывают друг другу о своих мечтах. Героиня Светланы Крючковой мечтает выйти замуж за японца, у героя Панкратова-Черного более обытовленная мечта – чтобы в Московской области давление не падало ниже такой-то отметки, поскольку в этом случае клёв лучше, а этот персонаж – заядлый рыбак. А курьер Иван вдруг говорит: «А я мечтаю, чтобы коммунизм на всей земле победил». Какими взглядами коллеги его награждают! И тут же стремятся избавиться от этого человека, услатить на овощную базу, он уже для них чужой. Действительно, фраза Ивана была вполне естественна в 30-е годы, в каком-то виде она могла еще быть сказана героями «оттепели» 60-х (и то уже только в каком-то особом контексте), а уж в 80-е она просто непредставима. И мы понимаем: это стеб Ивана, розыгрыш, прикол.

В сущности, по картине «Курьер» можно смело изучать общественные настроения 80-х. А там уже нет места трудовому энтузиазму, каким-то героическим порывам...

«Скромное обаяние буржуазии»

М. К.: Но вернемся к разговору о разновидностях буржуазии. Так какая же она у нас теперь? Изжита ли полностью та пресловутая «компрадорская буржуазия»? Или она всего лишь несколько потеснена «национально ориентированной буржуазией» и занимает какую-то нишу в экономике страны? Если да, то какую?

К. Ш.: Она занимает, я считаю, ту часть, интересы которой представляют либеральные партии. Либералы у нас – представители именно компрадорской буржуазии. Неслучайно Ельцин – их герой. Антипутинская партия, которую именуют прозападной или либеральной, и есть компрадорская буржуазия, которая отчасти сохранилась и мечтает вернуть то состояние дел, что имело место в девяностые. Поскольку то состояние дел их совершенно устраивало. Не было ни налогов, ни правил, ни отчетливых законов, соблюдение которых отслеживалось бы, – ничего! Ты мог продавать всё! Для компрадорской буржуазии это был земной рай. Вся семья живет в Америке, а ты отсюда гонишь все, что только возможно. Сливаешь в государственном масштабе за бесценнок, зато сам обогащаешься неимоверно.

Но на первом этапе никакой другой буржуазии, кроме компрадорской, быть не могло. Она сложилась частично из номенклатуры (партийной и комсомольской, как господин Ходорковский), а частично – из «фарцы». А вот директора предприятий стали частью буржуазии национальной. В нее, кстати, и часть компрадорской буржуазии перешло – те, у которых все-таки имелся созидательный «ген». Кто-то из них сам вдруг завод построил – и у него уже другой интерес! Ему уже нужны другие люди у власти. В этот момент и появился Путин. На мой взгляд, сначала его ставили просто как «смотрящего», зоновским языком говоря. Я не преувеличиваю и совершенно не склонен усматривать в появлении этой фигуры «тайный замысел» Ельцина, который якобы в душе раскаялся в каких-то своих действиях.

Нет, просто Путин оказался выше всего этого. Он очень быстро почувствовал свою опору в лице национальной буржуазии. А это еще и совпало с интересами народа. Я считаю, это Путин сохранил страну. И кто знает, может быть, эта национальная буржуазия, на которую он

опирается, в результате и приведет страну к тому, что она станет «номер один» в мире.

На мой взгляд, наивно думать, что историческая личность живет и действует сама по себе, реализуя свои оригинальные идеи, находясь в ладу с собственной совестью, с собственным понятием о «мировой гармонии». Нет, политический лидер всегда выражает чьи-то интересы.

Скажем, Сталин был чем-то большим, чем просто человеком выдающихся способностей, Иосифом Виссарионовичем, родившимся в грузинском городке Гори в 1879 году. Ему народ передоверил судьбу свою. Аккумулировал в нем свое понимание единства страны. На мой взгляд, то же самое и Путин.

Именно поэтому, я полагаю, может стать очень опасным период, который наступит после Путина. Страна вполне может опять погрузиться в некий хаос и развал. И, я думаю, надежду Владимира Владимировича на то, что он сумеет передать власть так вот просто – какому-то своему надежному человеку, довольно сложно будет осуществить. Не думаю, что это может пройти легко и безболезненно. Но... это совсем другая история.

М. К.: Да уже и сейчас намечаются противоречия. И, на мой взгляд, в определенный период Путин, безусловно, интересы страны выразил. Ну вот когда интересы национальной буржуазии совпали с интересами народа. Вот только не заканчивается ли уже этот «исторический фрагмент»? Или он теперь вечен?

К. Ш.: Что ж, возможно, что и заканчивается. По крайней мере, я не думаю, что Владимир Владимирович еще сделает какой-то новый политический скачок – в том смысле, что способен как-то переформатировать свою систему.

Как говорится, «нельзя объять необъятного», – Путин и так необычайно далеко отошел от той роли, которая была ему предначертана окружением Ельцина.

О лидерах нации

К. Ш.: Ведь Ельцин нашел человека, у которого, в общем-то, не было никаких шансов сыграть самостоятельную роль. На тот момент у него не было никакого политического прошлого. Он пришел из питерской номенклатуры, причем, далеко не из самого высокого ее звена. За ним не стояло никакой политической силы. Никакой, даже самой многочисленной партии. Он, в принципе, был совершенно один.

По идее, такой человек должен быть совершенно управляем. Особенно учитывая колоссальный вес тогдашней олигархии, имеющей огромные средства и контролировавшей всю страну. Но Путин оказался не так прост. Он оказался человеком с волей, характером и большими амбициями. Думаю, что у него уже тогда были и свои идеи. И как человек из спецслужб он и тогда был патриотом.

Конечно же, он видел всё, что творится со страной. Но ему не на кого было опереться. Тем не менее вскоре, как мне кажется, он почувствовал опору в лице той национальной буржуазии, которая начала рождаться. В свою очередь, эта национальная буржуазия почувствовала в нем человека, который способен защитить ее интересы.

Кстати, посмотрите его роль в национальной экономике «Транснефти», «Газпрома» и так далее – Путин защищает интересы крупных

национальных компаний. Другой вопрос, что с того момента по сей день эти интересы совпадали с интересами народа, потому что народ тоже сознавал необходимость сохранить страну.

М. К.: Но между интересами народа и крупной буржуазии давно незрывают, мягко говоря, противоречия... Не заканчивается ли уже тот «исторический фрагмент», когда их интересы совпадали?

К. Ш.: Вполне возможно, что и заканчивается. Другое дело, каков этот «исторический фрагмент»? Это не вопрос нескольких месяцев и даже лет, в любом случае. Вполне возможно, что и деятельность Путина на определенном этапе вступит в противоречие с движением национальной буржуазии.

Дело в том, что Путин, воссоздавая государство (в чем, я считаю, его основная заслуга), создал очень разветвленный, по сути, имперский бюрократический аппарат. Собственно, наличие мощного бюрократического каркаса всегда и подразумевает империя. (Мы уже говорили, что Россия – империя по сути своей.) Но в бюрократии всегда есть и плюсы, и минусы. И на мой взгляд, сегодня бюрократический аппарат у нас стал настолько самостоятельным, что уже больше работает сам на себя. Это очень опасно. Более того, в определенной степени он начинает работать и против Путина. Я это наблюдаю ежегодно.

Путин дает указания, а бюрократический аппарат их топит в своей вязкой субстанции. И это уже, разумеется, противоречит и интересам народа, и даже интересам национальной буржуазии. Потому что аппарат все больше начинает претендовать на ту сферу, которой занимается национальная буржуазия. Более того, он начинает претендовать на собственность. Мы сплошь и рядом можем это наблюдать.

В принципе, мечта любого российского бюрократа сегодня – на своей госслужбе получить какую-то собственность путем акционирования и оставить службу. Это серьезное противоречие внутри той системы, которую создал Путин. Оно сегодня, на мой взгляд, становится все более и более очевидным. Это и основная проблема, с которой Путину приходится столкнуться.

Вполне возможно, что вскоре и этот бюрократический аппарат, и национальная буржуазия, которая недовольна этим бюрократическим аппаратом, и народ, у которого тоже достаточно поводов для недовольства, предъявят каждый свои претензии своему президенту. Мы, в сущности, это уже начинаем наблюдать...

Но, повторю, без этого мощного бюрократического аппарата Путин не смог бы воссоздать государство.

М. К.: Можно ли этот аппарат как-то реформировать?

К. Ш.: Здесь еще одна проблема Путина. На мой взгляд, он не смог создать дееспособной партии, хотя пытался выстроить ее неоднократно. Он вообще, видимо, остро чувствует насущные потребности момента. Но «исторический материал» не очень-то податлив.

Почему он создает «Единую Россию», а потом организует вдруг Народный фронт? Ведь, создавая Народный фронт, который фактически выполняет функции политической партии, Путин в определенной степени идет на конфронтацию с «Единой Россией». Он, скорее всего, чувствует, что «Единая Россия» не приносит желаемого результата. Но в итоге и то и другое не очень работает.

«Единая Россия» – партия, которую нельзя воспринимать как политическую партию в полном смысле. Во-первых, потому что у нее нет идеологии! Она просто ориентирована на поддержку Путина. Но ведь

это не идеология. А во-вторых, она просто не в состоянии выполнять функции политической партии. Для того чтобы взять под контроль бюрократический аппарат, нужна мощная политическая сила, которая могла бы через парламент, через другие органы власти обуздать, как говорится, чиновников и проводить волю того класса или слоя общества, интересы которого она защищает.

Но сегодня получается, что бюрократический аппарат и «Единая Россия» – практически одно и то же. В этом главная проблема. А ведь единственный способ, по крайней мере, который я вижу, как-то обуздать этот бюрократический аппарат – это создание мощной партии. Но таких у нас сегодня нет. Те оппозиционные партии, которые у нас имеются, – что коммунисты, что ЛДПР, – такую функцию уже не способны выполнять.

Коммунисты совершенно, на мой взгляд, «остановились в своем развитии». Они как-то незаметно превратились в русскую национальную партию с довольно размытой идеологией. Это уже совершенно не те «пламенные коммунисты» с болью за счастье народное. А самое главное, у них нет никакой теории. Но это, так сказать, отдельный разговор.

Таким образом, бюрократический аппарат становится все более самодостаточным и проникает во все поры общества. На мой взгляд, он давно уже работает «сам по себе» и «сам на себя». В этом аспекте главное отличие бюрократического аппарата и национальной буржуазии в том, что у интересов национальной буржуазии, имеющей собственность, все же совпадают с интересами нашего государства и общества, а у бюрократии подобных совпадений нет. Другими словами, она часто действует отнюдь не в интересах страны.

В этом проблема устройства современной России. Парадоксально, что именно благодаря возникновению такого устройства страна в свое время не распалась. Более того, пока у власти находится создатель этой системы, обладающий колоссальным авторитетом, бюрократия в определенной степени управляема. Она даже демонстрирует определенную стабильность и способность генерировать довольно мощные проекты.

Но дело всё в том, что трудно представить себе, что после ухода нынешнего президента к власти придет человек, обладающий таким же авторитетом, каким обладает Путин сегодня. Не стоит забывать, что этот авторитет он зарабатывал на протяжении двадцати лет. Поэтому после его ухода нынешняя бюрократия может разнести страну в клочья.

Как знать, не запустится ли тот самый процесс, который привел в свое время к распаду СССР. Только в случае с Российской Федерацией он может иметь более тяжелые последствия. По сути, это главная проблема, с которой Владимир Владимирович сталкивается сегодня. Не знаю, насколько он ее осознает. На мой взгляд, осознает. Поскольку с его политическим опытом сложно это не осознавать. Вовсе неслучайно создал он и «Единую Россию», а затем и Народный фронт как антитезу этой партии. Невооруженным глазом видна его неудовлетворенность. Он же фактически отошел от «Единой России» и даже в президентских выборах участвовал вне ее. Он чувствует слабость этой партии, чувствует, что она стала партией бюрократии, для которой он сам становится все большей обузой. Ведь он постоянно что-то требует с них, к чему-то их принуждает, он вводит какие-то бесконечные правила, начиная от декларирования и кончая ограничением их зарплаты. А главное, все время пытается их контролировать.

М. К.: На мой взгляд, для возникновения сильной партии необходим сильный лидер. Но этому лидеру надо дать вырасти, а, как мы уже

неоднократно наблюдали в нашей истории, сильный лидер во власти вполне способен задушить всех своих конкурентов в зародыше. И это, в общем-то, в природе власти и в природе человека – не дать серьезному сопернику вырасти. Просто чтобы самому оставаться самым сильным.

К. Ш.: Да, у современной власти, сознательно это или подсознательно, это присутствует. И, может быть, ты прав в том смысле, что это и мешает Путину создать реально сильную политическую партию. Потому что реально сильная политическая партия нуждается в политическом лидере. А если он возникает, то он может стать серьезным конкурентом Владимиру Владимировичу. А отсюда – нет партии. Вот кто сейчас лидер «Единой России»? Никому неизвестно. Когда-то был Володин, вот он был яркий, а сейчас вообще неизвестно кто.

Для меня совершенно очевидно, что только мощная партия может стать противовесом бюрократии. Сама по себе бюрократия как управленческая база нам необходима, это каркас, на котором держится империя, но бюрократия должна находиться под контролем общества. Что может ее контролировать? Только политическая партия, которая имеет большой авторитет в народе. Но такая партия, во-первых, должна иметь свою сформировавшуюся идеологию, а во-вторых, она должна состоять, конечно, не из бюрократов.

Таким образом, перед Владимиром Владимировичем – дилемма. Для того чтобы сохранить страну и противостоять бюрократии ему нужна политическая сила. Но она может стать и его конкурентом.

Он должен либо сам инициировать ее создание, но при этом инициировать таким образом, чтобы она создалась как бы сама. То есть не назначать людей, а они должны сами прийти – и они есть в стране. Либо создать некие условия, чтобы такая политическая сила создалась, но тогда там возникнут и сильные лидеры, которые могут стать его прямыми соперниками. Вот какая у него сейчас дилемма. И насколько он справится с ней – непонятно.

М. К.: Но ведь у Путина – последний срок. По крайней мере, так мне кажется. Так что ему терять? Чего бояться?

К. Ш.: Да, но мы же не знаем его планы. Он не похож на человека, который собирается уходить из политики. Он, надо сказать, в отличной форме, и это может еще долго продолжаться. И видно, что у него до сих пор огромные амбиции. Он – по своей природе человек, который хочет оставаться лидером, в той или иной форме.

М. К.: Так, может быть, он и возглавит эту партию, в конце концов?

К. Ш.: А вот этого он сделать не может, поскольку сам создал эту бюрократическую систему. Это должен быть другой человек. Путин сыграл огромную роль в воссоздании и развитии страны. Но сейчас такой период, когда он становится заложником собственной системы. Более того: у меня ощущение, что этой системе Путин больше не нужен. Бюрократии, которая им же создана, он начал мешать. Это, кстати, достаточно обычное дело.

И он не может не анализировать такие вещи, на мой взгляд. Он должен понимать, что, если не поможет созданию такой партии, она уже не с некоторой долей вероятности, а уже гарантированно станет ему конкурентом. Там обязательно появятся лидеры, которым народ переверит руководство страной.

М. К.: И их лидер скажет президентской команде и современной бюрократии слова, схожие со словами Черчилля в его предвыборной борь-

бе с командой Чемберлена: «Вы сидели слишком долго, чтобы творить добро. Уходите!»

Но в отличие от Британии прошлого века, с ее развитой внутриполитической системой, ситуация в России уникальна тем, что сам президент начинает подыскивать лидера, который поведет страну дальше? Не похожа ли эта ситуация на ту, которая сложилась в конце девяностых, когда Ельцин искал преемника? Судорожно и непредсказуемо назначал, потом заменял, а вся страна затаив дыхание наблюдала за этим захватывающим политическим шоу.

К. Ш.: Нет, у Путина другая задача. Ведь перед Ельциным задача стояла простая. Вот он с ближним его окружением создали эту систему, и им надо было просто-напросто найти человека-«смотрящего». С одной стороны, человека профессионального, с некими навыками тактического управления, а с другой – совершенно управляемого. С тем прицелом, чтобы всё оставалось как и прежде. Разве что – в более упорядоченном виде, где соблюдаются их правила, но при этом страна не летит под откос. Найти такого человека, как им казалось, было очень просто...

Но у Путина сегодня (мне это очевидно) амбиции совсем не ельцинские. Он – настоящий политический лидер. Ельцин был, что называется, «политикан». Он был, конечно, и политиком, но все-таки политиканства в нем было гораздо больше. И задачи перед ним стояли куда проще. Как говорится, «ломать – не строить».

А перед Путиным – большие задачи. Он и сам фигура большого масштаба: он сражается с западным миром, его амбиции совсем в другом. Он хочет сохранить страну и сделать ее великой. У Ельцина не было этой задачи. Напротив, его задача была диаметрально противоположной. Ему надо было сделать страну не великой, а отправить ее в плавание в том узеньком фарватере, который был нам отведен Западом и компрадорской буржуазией, к которой относилось и семейство Ельцина, в частности. Это совершенно другие задачи.

Поэтому у Путина, на мой взгляд, стоит вопрос не преемника, а вопрос создания устойчивой системы, которая сделает Россию великой. Преемник не имеет здесь того принципиального значения.

Ведь это только кажется, что если поставить во главе страны толкового человека, всё пойдет как надо. Нет, это не будет работать. Мне кажется, что Путин это понимает. А если не понимает, то он проиграет. Сегодня у него задача – создать систему, которая не заставляла бы страну балансировать на краю пропасти после ухода того или иного сильного лидера.

М. К.: А вообще есть у нас опыт создания таких устойчивых систем?

К. Ш.: На мой взгляд, у нас такой опыт имеется. Хотя и в совершенно других исторических условиях. Вот, к примеру, после государственных реформ Петра I страна около двух веков жила без кардинальных потрясений. Развивая наработки Петра, страна продолжала, по сути, движение в том же направлении. И при этом становилась всё более и более великой.

Потому что Петр I сумел создать уникальную по устойчивости внутриполитическую систему. Пригодную именно для России. Именно при Петре Великом дворянство оформилось как класс, чьи интересы совпадали с интересами имперскими. При этом Петр отменил все привилегии боярства, фактически ликвидировав это сословие... И, кстати, Петр неслучайно убрал патриаршую кафедру и умерил власть церкви,

фактически подчинив ее существование интересам империи и служилого дворянства. Петр создал Синод непосредственно с царем во главе его. Потому что он очень хорошо знал, изучив правление своего отца, Алексея Михайловича, и предыдущих государей, что церковь на Руси зачастую играет очень двойную роль. Она, при той власти, которую имела еще с времен борьбы с ордынским игом, была очень склонна вступать в разнообразные конфликты с государством. Петр и эту свое-нравную силу убрал, как боярство. А точнее, Петр создал условия, при которых эти силы – и боярство, и церковь – были как бы растворены в общем движении империи.

Поэтому Петр Первый ушел, а страна продолжала двигаться, набирая мощь, в указанном Петром направлении. Достижения царствований его дочери Елизаветы, затем Екатерины Великой, Павла, Александра Первого, Николая Первого... – всё это было движением в петровском фарватере.

Что примечательно, дворянство как политическая сила в восемнадцатом и девятнадцатом веках в определенной степени контролировало и ограничивало бюрократию, хотя само тоже было имперской бюрократией.

Вот и у Путина сейчас вопрос такой же – создать систему. Создать новый формат отношений народа, его демократических институтов, политических партий, национальной буржуазии, бюрократического аппарата и центральной власти. Потому что кого бы сегодня президент ни выбрал в преемники, этот человек не сможет удержать страну. На мой взгляд, это нынешнее положение очень опасно.

М. К.: Вот еще опасность в чем, на мой взгляд. Опасность именно для действующего президента как для человека, который у власти скоро двадцать лет. Та новая система, которая придет во главе со своим новым лидером, вполне может ответственность за все ошибки, все пороки и огрехи этого двадцатилетнего периода возложить на предшественников. Что, в общем-то, уже традиция для России. Может быть, у Путина присутствует и это опасение?

К. Ш.: Я думаю, он слишком масштабная личность, чтобы опасаться этого. Главная движущая сила таких фигур – одержимость идеей. А его идея – создать великую страну. Поэтому возможность обвинений и самой острой критики – для него, мне думается, частности. Несущественные издержки процесса. Как говорится, не ошибается тот, кто ничего не делает.

Вот для Ельцина и его команды обвинения и критика имеет важное значение. Поскольку для них главное – собственность сохранить. Есть и у Путина, конечно, личный интерес, но главное для него – другое.

Именно поэтому, я думаю, разрыв между ним и его бюрократией всё больше. Именно поэтому ему, на мой взгляд, надо всеми силами способствовать созданию новой политической силы, альтернативной его же номенклатуре. Другими словами, перед Путиным стоит задача – грамотно поделиться своей огромной властью. Он должен часть этой власти делегировать какой-то новой самостоятельной партии, так мне кажется.

Рынок и «социальная справедливость»

М. К.: В этом плане, на мой взгляд, как бы эта партия ни называлась, чьи бы интересы ни выражала своей магистральной линией, всё равно

она должна паровозом пристегивать идею «социальной справедливости». Без нее никакая гармония и никакой идеал общественной жизни немислим в российской ментальности.

К. Ш.: Проблема только в том, что эту идею очень сложно соединить с рынком, точнее говоря – с рыночной экономикой. Никто этого еще не придумал. Я не говорю о том, что это невозможно в принципе, но объективно соединить это очень сложно.

М. К.: Но это соединяется в Швеции, в Германии, в Дании...

К. Ш.: Не соглашусь. В этих странах вообще чистый капитализм.

М. К.: В его чистоте и я не сомневаюсь. Но при этом с ним тесно соседствуют социалистические элементы. У граждан – социальные пакеты, замечательная социальная защищенность. Никто не «впахивает» на трех работах только для того, чтобы выплачивать кредиты, коммуналку и кормить семью. А пенсионеры только тем и занимаются, что путешествуют по всему миру.

К. Ш.: Правильно, там социальные пакеты, защищенность, только надо понимать, что привел к этому самый настоящий капитализм. Просто это капитализм «другого шага», который, кстати, очень много заимствовал у СССР. Собственно, уже с 30-х годов началось это соревнование двух систем, капиталистической и социалистической. В том числе и в социальной сфере. Логика этого соревнования была проста: у кого простым гражданам лучше живется – та система лучше, эффективней, человечней.

Таким образом, развитые западные государства были вынуждены выделять средства, что называется, «на социалку». Не будь рядом Советского Союза, не будь в самих этих западных странах сильных компартий (а они были сильны еще в семидесятые!), то буржуазные государства, пожалуй, не стали бы всего этого делать. Сегодня рядом с ними нет успешного социалистического государства. Китай не в счет, так как для них это всегда была особая цивилизация.

Поэтому, я полагаю, в ближайшем будущем эти «социальные пакеты» Запада будут постепенно сворачиваться, и простым гражданам там вскоре будет менее комфортно.

В формировании высокого уровня жизни Западной Европы, начиная с послевоенного времени и до сих пор, также играет немаловажную роль тот факт, что эти государства практически не вкладываются в свою оборонку, рассчитывая на американский щит. Сказывается и то обстоятельство, что Запад в течение нескольких веков наращивал национальные богатства за счет ограбления колоний. Поэтому они пока вполне могут позволить себе поддерживать высокий уровень жизни рядовых граждан – и тех, кто работает в бюджетных организациях, и тех, кто занят на предприятиях их национальной буржуазии.

Но довольно сложно представить, как обеспечить этот уровень сегодня в России. Та же Швеция развивается уже 200 лет, будучи нейтральной страной, то есть – ни с кем не воюя. Против нее никто не осуществляет ни политического, ни экономического давления. А Россия все время находится на острие. На пике политической конфронтации. Это огромная ноша.

Вот мы восхищаемся немцами, которые так быстро восстановились после Второй мировой войны, так здорово развили свою экономику, но мы забываем о том, что это во многом благодаря тому, что они уже больше семидесяти лет не тратят ничего на оборону. Так что Трамп, на мой взгляд, очень прав, выдвигая к ним определенные требования.

Очень долго они прятались в тени Соединенных Штатов. Разумеется, и Штатам такое положение вещей было на руку, поскольку они, таким образом, превращались в империю. А каждый империя покупает своих вассалов. Вот и Европу купили.

Сегодня же Америка переживает, на мой взгляд, период затухания империи и не может позволить себе больше прикрывать своих «меньших братьев». Но отсюда и у европейцев возникает законный вопрос: а тогда зачем нам все это? Если мы сами должны платить за всё? Так ли велика угроза от России? Не самое ли время пересмотреть свою линию?

Но это отдельная огромная тема. А сейчас я говорю о том, что Россия все это время, в отличие от европейских стран, находилась под прессингом.

Вообще она находится в этом состоянии объективно – просто в силу необходимости контролировать колоссальную территорию. Причем только сейчас содержание многих из этих территорий становится экономически выгодным. Действительно, почти вся Россия до сих пор пребывала в очень невыгодных условиях. Холодная северная страна, резко континентальный климат, с такими перепадами температур, которые и не снились Европе. При этом основным источником дохода на протяжении веков являлось сельское хозяйство.

Так что с богатой и комфортной жизнью у России всегда было туго. Отсюда и крепостное право. Потому что иначе невозможно было получить прибавочный продукт, необходимый для содержания государственного аппарата и армии, для развития всех институтов государства. Можно сколько угодно рассуждать о великих богатствах Руси, которые издревле манили завоевателей, только – положи руку на сердце – так ли велики были эти богатства? Какие богатства нашей страны так уж остро кому-то были необходимы? Кто знал о нефти и газе еще в XIX веке? Золотых приисков тоже было очень немного. Алмазов вовсе не было. Урожаи зерновых снимали раз в полгода (и то довольно небольшой по отношению к посевным затратам), сравните с тремя тучными урожаями за сезон в Италии. Да и в Германии и в Польше урожаи зерновых значительно превосходили наши.

Зато сейчас – совсем другое дело.

Новая возможность «золотого века»

К. Ш.: В современных условиях природные ресурсы плюс уникальное местоположение России могут сыграть очень важную роль. Сегодня Азия – фактически мировой центр, никогда раньше такого не было. И, получается, сегодня положение России очень выгодно. Это мост между этими двумя гигантскими экономическими центрами.

С другой стороны, именно сегодня так нужны миру наши природные ресурсы. Именно сегодня благодаря технологиям их можно добывать и в северных широтах, на большой глубине залегания. Видимо, это и есть те богатства России, о которых еще Ломоносов говорил в будущем времени.

М. К.: Не соглашусь разве что с тем, что мы были бедны, убоги и никому не нужны на протяжении многих столетий. Почему же к нам все лезли так, что в каждом веке по несколько раз воевать приходилось? То хазары, то монголы, то немцы... И «далее по списку» – поляки,

шведы, крымские татары, турки, потом французы, потом снова немцы, в XX веке они вообще всю Европу сюда привели.

Кроме нефти, газа и алмазов были ведь другие вещи – корабельные леса, пушнина, лён, воск, мед, пенька, поташ, а позже – железная руда, уголь. Да и зерна было немало. Может, нам этого зерна и самим не хватало, но завоевателю – какая разница?

К. Ш. *(с улыбкой)*: Завоевателю в большой стране, конечно же, всегда найдется что пограбить, но сейчас я говорю о том, что уровень жизни и уровень национального богатства в России всегда были меньше, чем в странах Запада (да и в иных странах Азии). И это объективно. А что касается военных агрессий, то взгляните внимательнее на мировую историю: страны Запада и Юга куда больше между собой воевали, чем ходили против нас в походы. Не говоря уже о том, сколько времени и сил они посвящали завоеванию южных колоний.

Добрая половина наших войн обусловлена необходимостью раздвинуть наши собственные границы. Я не считаю их завоевательскими войнами – где-то мы должны были вернуть свои исконные земли, где-то морские пути, которые мы потеряли в период феодальной раздробленности или в годы Смуты. Конечно, нас не хотели обратно пускать! А где-то требовалось обезопасить себя от набегов. Например, чтобы решить вопрос с Ногайской и Крымской ордой, пришлось воевать с их покровителем – Османской империей. Так или иначе, многие войны инициировала сама Россия – и войны Петра со шведами, и его отца с поляками, и Екатерины с турками, и многие другие столкновения. Также Россия принимала живейшее участие и в разнообразных коалициях. Вторжение Наполеона было спровоцировано именно участием России в континентальной блокаде, к чему ее принуждал договор с англичанами. А вовсе не желанием Наполеона нас завоевать и разграбить.

Так что не все так просто. Да, нам приходилось много воевать, но причины половины как минимум войн – отнюдь не в колониальных устремлениях наших соседей. Да, в России всегда были лес, зерно, охотничий и рыболовецкий промыслы, многое другое. Но это не было такой уж соблазнительной приманкой для завоевателя.

А вот сегодня у нас наблюдается, действительно, удивительное сочетание благоприятных факторов. Оно, на мой взгляд, может обеспечить для России «золотой век». Именно сегодня начинает по-настоящему работать евразийский фактор нашего расположения. Плюс к нашим ресурсам наконец-то прикладываются эффективные технологии и коммуникации. Потому что любое богатство, которое просто лежит где-то, это еще не богатство. Ты попробуй добудь его, потом доставь, куда надо. А благодаря сегодняшнему уровню науки и промышленности этот фактор перестает быть неразрешимой задачей.

Плюс к этому новые технологии сегодня ощутимо повышают и эффективность сельского хозяйства. Таким образом, преимущество южных стран перед северными помалу сглаживается.

Это феномен сегодняшнего времени: всё, что приобретала Россия веками, те ее территории, которые казались кому-то ненужным балластом, сегодня начинают приносить доход. Если, конечно, правильно воспользоваться этими богатствами.

Это может стать залогом возрождения нашей страны. Но может оказаться и дополнительным стимулом к ее распаду. В зависимости от того, кто и как всем этим распорядится.

Немного о конкурентоспособности российской экономики

М. К.: Одно нехорошо. Не думаю, что все эти преимущества (да, это реальные преимущества, но тем не менее!) делают нашу продукцию конкурентоспособной на мировом рынке. И не только продукцию. Даже наши нефть и газ всегда будут скорее факторами неустойчивости экономики, чем ее устойчивости. Дело в том, что каждый лишний доллар (да что там доллар, каждый лишний цент), затраченный на производство или на добычу какого-то ресурса, в условиях общего рынка делает наш товар очень уязвимым. Пусть даже наш товар будет самым качественным. Но товар того же класса, полученный в более южных странах, будь то гвозди, автомобили, добытая нефть, всегда будет стоит дешевле. Таким образом, легко оттеснит нашего производителя.

К. Ш.: Для меня такие рассуждения не новость. Когда-то я, уже в должности директора Мосфильма, поехал в Голливуд. И что я там увидел? Вместо капитальных зданий стоят просто коробки с довольно тонкими стенками. Отапливать их не надо. Никакого фундамента нет. Уже один этот фактор делает их кинопроизводство на порядок экономнее. Конечно, это рыночное преимущество – кто же спорит?

Поэтому в любом производстве в России, хочешь не хочешь, всегда будет велика роль государства. Я об этом часто говорю. И в непонимании этих вещей – основная проблема нашего либерализма.

Россия не может соревноваться ни с Западом, ни тем более с Китаем и Индией в рентабельности своих производств. В России всегда будет всё более дорого, а значит, менее рентабельно. Прежде всего – в силу климатических природных условий, которые требуют строительства капитальных и отапливаемых зданий, больших энергетических затрат для любых работ в зимнее время, большей оплаты работников, которым для жизни тоже нужны и отапливаемые здания, и теплая одежда, и более калорийные продукты – все то, что требуется в меньшей степени китайцу, тайцу, индусу или турку. Поэтому там более дешевая рабочая сила.

По этой причине у нас государство и играло, и, наверное, еще долго должно будет играть очень значительную роль в жизни общества. Я считаю, оно должно у нас оказывать всемерную поддержку – и людям, и бизнесу, и целым отраслям промышленности. То есть оптимально перераспределять национальный продукт. С этим ничего не поделаешь.

М. К.: Вот только понимает ли у нас это само государство? Вот мы говорили, на определенном этапе интересы национальной буржуазии, государства и народа совпали. Но совпадают ли они сегодня?

Например, проведение пенсионной реформы очень показательно. Тем самым государство говорит открытым текстом, что заботиться о повышении благосостояния собственных граждан оно не намерено. Да, имеются некие логические объяснения этой реформы – демографический провал 90-х, естественное увеличение сроков жизни по сравнению с 50-ми годами, что, кстати, спорно. Но даже Сталин в послевоенные годы производил снижение цен, отмену карточной системы (раньше, чем в Англии!), уменьшение рабочего дня и так далее. В тяжелейшие послевоенные годы! И ни тогда, ни в хрущевские, ни в брежневские годы никто не заикался о повышении пенсионного возраста.

А разве нельзя было сослаться на ту же причину – демографический провал военных и послевоенных лет? Были и бóльшие основания – для возрождения страны из руин требовались рабочие руки, а не пенсионеры. Но государство этими доводами тогда не воспользовалось. Просто советскому государству важно было ежегодно подтверждать, что оно существует для народа, а не наоборот.

Современному российскому государству, получается, такие подтверждения абсолютно не важны? Напротив, оно с удовольствием подтверждает обратное? Взять хотя бы то, что главным доводом пенсионной реформы является – вот, мол, из-за демографической ямки теперь один трудоспособный должен кормить (с помощью налогов) трех нетрудоспособных. То есть вы открытым текстом говорите, что другие ресурсы государство для людей подключать не собирается. Вы открытым текстом говорите, что создали две страны, в одной из них трудящиеся там худо-бедно кормят нетрудящихся, а в другой живете вы – и ваши нефть, газ, сталь, алмазы и другие госкорпорации, ваш ВПК, хвастающий прибылями, к этой убогой стране трудящихся-нетрудящихся никакого отношения не имеет?

К. Ш.: И я не сторонник продления пенсионного возраста, особенно сейчас. Я тоже считаю, что это ошибка, но не стал бы из этой конкретной ошибки делать такие глобальные выводы. Тем не менее сегодня, в момент такой жесткой конфронтации, фактически экономической войны с Западом, такие ошибки могут стоить власти дорого. Это может социально расшатать ситуацию в стране. Тем более что, как мне кажется, социальный ресурс государства далеко не исчерпан. Существует реальная возможность как-то воздержаться от столь непопулярных шагов. Строго говоря, нам говорят, что триллиона рублей не хватает. Но триллион рублей – это 15 миллиардов долларов, это же в масштабах бюджета России немного. Можно из копилки взять. У нас же довольно большие сегодня приросты идут – за счет продаж нефти.

Да и в целом, на мой взгляд, российское государство не должно идти по чисто либеральному пути. Оно должно предоставлять своим гражданам все те преимущества, которые вполне позволяет предоставить им богатство нашей страны. Если хотите, могу это сформулировать попросту: надо делиться. На мой взгляд, повышение пенсионного возраста – чисто либеральная затея. Даже дистиллированно либеральная. При этом никто из них не желает прислушиваться к другим аргументам.

Но при всем том я считаю, что у нас недостаточно работает рынок. В этом смысле – я, пожалуй, либерал. У нас гораздо больше вещей надо переводить на чисто рыночные отношения. Потому что сегодня у нас государство, простите, как говорится, «во все дырки суется». И несет огромные расходы там, где не должно нести.

Но я понимаю, что это такой период у нас. Мы никак не можем нащупать правильную экономическую модель. Она, на мой взгляд, рано или поздно все-таки кристаллизуется в сочетании экономического либерализма и плановой, но очень гибкой и продуманной государственной политики. А наши либералы, к сожалению, пока твердят, что нужно «все отпустить» и делать как на Западе. А я говорю, что это невозможно, поскольку Россия даже в силу своего климатического положения не выдержит свободной конкуренции. Как ни крути, государству у нас должна быть отведена большая роль.

Так что в ответ на ваш вопрос, вообще в ответ на чью-либо тревогу по поводу неконкурентоспособности нашей экономики на мировом

рынке так скажу. Мы вполне можем быть конкурентоспособны, несмотря на наше северное положение. Просто бóльшая стоимость нашей продукции всегда должна частично компенсироваться государством. Благодаря новейшим технологиям сегодня это далеко не запредельные суммы.

Я даже не исключаю, что какие-то госкорпорации могут вывести свои производства из нашей страны (что всюю практикуют западные страны). Перенести их туда, где производство экономичнее, энергоэкономичнее. Да, это даст занятость населению другой страны, не нашей, но производство будет развиваться наше, прибыль будем получать соответственно мы же, и очень динамично будет пополняться наш бюджет (за исключением какой-то доли налогов, которые придется оставить на территории какого-то южного государства). Почему бы нет?

В общем, так или иначе, наше государство обязано участвовать в перераспределении национальных богатств, помогать предприятиям и стимулировать – где-то экономическими, а где-то и протекционистскими методами – внутренний и внешний рынки.

Возможно ли опять «всё поделить»?

М. К.: Наверное, действительно, так и должно быть. А вот этот пример действий власти – он тоже из категории, как вы говорите, «перераспределения» национальных богатств? Не так давно, в июле 2018-го, власть решилась все-таки повысить налоговое бремя на «национальную буржуазию» в лице крупных собственников, а именно представителей металлургической, химической отраслей и тому подобное. Но как же они возмутились!

К. Ш.: И правильно возмутились. Этот шаг мог бы привести к худшим последствиям. Я повторяю, у нас правильный баланс еще не найден. Сегодня «колебание умов, ни в чем не твердых» приводит к тому, что даже предлагают, как в 1917-м, всё национализировать. На предвыборных дебатах это неоднократно звучало от представителей обеих компартий. Но как ты национализируешь? Ну, заберешь ты Лукойл, уберешь Алекперова. Поставишь своего директора. И что будет? Чудовищное воровство начнется. И самое главное, еще неизвестно, будет ли предприятие работать.

А с другой стороны, за то время, что Путин у власти, в России развились мощнейшие компании. Вот я побывал как-то в Череповце у Мордашова. Это просто гигантское предприятие – второй по величине сталелитейный комбинат России! Ну заберешь ты его, скажешь – всё, не нужен нам Мордашов. Давай обратно государству, назначим директора, какие проблемы? И всё может начать рушиться. А это тысячи безработных, это удар по ВПК, это невыплата налогов в бюджет государства и так далее.

А что делать с пакетами акций, приобретенными Мордашовым как владельцем «Северстали» или владельцами других крупных предприятий в зарубежных добывающих компаниях? Как все это юридически обосновать? Как объяснить зарубежным партнерам? Нельзя забывать, что все эти сделки, все эти слияния и поглощения, которые проводились за довольно продолжительный период, имеют самое прямое отношение к жизнеспособности предприятий. Как ни крути, все эти акционерные предприятия, в которые превратились советские мощно-

сти, – уже часть сложившейся рыночной экономики. Причем не только нашей, а и мировой. И ты с ней не можешь так волонтаристски обращаться.

М. К.: Да, здесь едва ли будет уместен «рецепт Шарикова» – всё отнять и поделить. Но вы только что сами говорили о необходимости государственного регулирования в распределении национальных богатств. Почему бы не использовать как один из инструментов этого распределения налоговую систему? Или вот еще такой есть инструмент – участие в этих предприятиях государства как акционера с приличным количеством акций. Тогда и рыночная экономика не рухнет, и «социальная справедливость» подтянется.

К. Ш.: Конечно, здесь весь ассортимент инструментов необходим – как экономических, так и юридических и административных. У государства есть много способов пополнения бюджета. Но я говорю сейчас о том, что любой шаг в этом направлении должен делаться с великой осторожностью. Десять раз нужно подумать – стоит ли повышать налоговое бремя на предприятие, которое вкладывает свою прибыль в расширение производства, в создание новых рабочих мест? В покупку необходимых им месторождений железной руды где-нибудь в Австралии (да-да, сегодня уже и такое бывает!)

Даже если на этих предприятиях, действительно, имеются так называемые сверхдоходы... Если они легальные, почему их должны забрать? Тогда люди будут деньги прятать. Значит, этот метод тоже не работает. Я двадцать лет руковожу студией и знаю: во всем у человека должен быть интерес.

М. К.: Но вы же именно как производственник, наверное, знаете – если интересы ваших сотрудников не контролировать, они могут перерасти в аппетиты глобальных масштабов. А это может потопить любой самый прекрасный проект. Вот смотрите: сегодня не более 20% ресурсов России находится в руках государства, 80% – в частных руках. К этому привели залоговые аукционы девяностых. Как на эти 20% можно содержать и развивать оборонку, развивать наши огромные территории, иметь достойные образование, медицину, социальную сферу – и вообще становиться «империей»?

К. Ш.: Ну хорошо, ты завтра скажешь – возвращайте в казну сверхдоходы! Неужели непонятно, что после этого у нас случится? Они закроют предприятия и вообще все капиталы из страны выведут. И у тебя рубль рухнет, экономика остановится!

Нет, это очень сложный вопрос. Мы вступили в систему рыночной экономики. Будешь рубить по ней, и она по тебе рубанет. Я в этом плане как раз рыночник и, возможно, даже больший либерал, чем наши либералы. (Просто дело в том, что у нас либералы сегодня – не либералы вовсе, они западники, чистое наследие компрадорской буржуазии, мы об этом говорили.) Но я также до сих пор – советский человек. Считаю, что советский период очень много дал стране. Создал инфраструктуру, ГОЭЛРО, промышленность, дороги... Он превратил аграрную страну в индустриальную – но для этого он использовал совсем другую систему экономических взаимоотношений. Эта система была во многом принудительная, но сейчас совсем другой этап.

Советская система по сути своей не могла быть плотно встроена в систему мировой экономики. В частности, она не смогла создать нормальную инфраструктуру потребления. Поэтому и в магазинах не было ничего. Сегодня создана инфраструктура потребления, мы перешли

на сторону рынка. Сегодня куда ни поедешь – огромные торговые центры. Это же все надо было построить. Более того, надо было наладить логистику. Сейчас всё прямо на дом доставляется, то есть всё привозится с тех или иных предприятий. Все размещается на сайтах, все упаковывается, загружается... Это гигантская вообще экономика. Ее надо было еще суметь создать. И это, в общем-то, за очень короткий период было создано. Но это могла создать только рыночная экономика. Конечно, я всегда говорил, строили ее не челюскинцы. Это совсем другой тип людей. Это не те люди, которые с флагами будут на Северный полюс идти, строить Комсомольск-на-Амуре. Те люди были воспитаны советской системой. А эти рождены совсем другим положением вещей.

Но если ты начнешь снова душить их, завинчивать гайки, у тебя все это может рухнуть. У тебя снова выстроятся очереди. И начнется то, через что прошел когда-то Сальвадор Альенде.

Культура и кино в отсутствие идеологии

М. К.: Все правильно, но где тогда государству найти деньги на «империю»? Взять то же кино. Вы сами не раз говорили о том, какой рывок совершил наш кинематограф в 60-е, 70-е годы, сколько шедевров тогда появилось. Сколько было открыто великих имен. Если при Сталине снималось около 15 фильмов в год, то в последующий период стало сниматься на порядок больше. Почему произошел такой прорыв? Да просто государство очень значительно увеличило вложения в кинематограф. У него нашлись для этого и воля, и ресурсы.

К. Ш.: На мой взгляд, кино – совсем неподходящий аргумент. Я считаю, сегодня кино вообще нужно переводить на рыночные отношения. Считаю, что всё то, что мы делаем сегодня в культуре, в сущности, бессмысленно. У нас в итоге – ни то ни сё: не советская методика в культуре, и не западная. Только понапрасну вбухиваем деньги. Результат, на мой взгляд, очень незначительный.

350 американских фильмов в том году было в нашем прокате. Вот результат! А российских, если посчитать всерьез, абстрагировавшись от шумихи, которую вокруг них устраивали, – не более 15–20. Зайди в любой кинотеатр и ты увидишь – там идут американские фильмы.

При этом хоть у нас сегодня рынок, в киноиндустрии – отношения совсем не рыночные. Даже в советской системе они были более правильные с точки зрения заинтересованности создателей кино в результате. Тогда тебе давали деньги на кино, потом смотрели, какое кино у тебя получилось снять, и присваивали фильму ту или иную категорию. В зависимости от категории с тобой расплачивались. Потом смотрели на прокат, и по результатам проката ты получал премиальные либо не получал. Так или иначе, это мотивировало. Ну а что сейчас? Если тебе дают деньги на кино, так тебе еще и отдают прокат. Вообще бредятина. Если в советской системе ты для государства делал фильм за определенные деньги, то государство, само собой, это кино у тебя забирало. А сейчас тебе еще и фильм отдают. То есть в принципе, какая мотивация у тебя выложиться для искусства, для зрителя? (Я только о финансовой стороне дела сейчас говорю.) Ты что-то свободно себе «назначаешь» с бюджета, который тебе государство выделило. А дальше с этого фильма, который уже твой навсегда, ты всегда что-то срубишь. Даже если прокатная судьба этого фильма будет незавидной (а это очень вероятно

при таком прессинге американского кино), ты будешь продавать показы помаленьку на телеканалы... Совершенно бессмысленная схема.

Но в чем причина этого? Да очень просто. В СССР культура нужна была. Культура была инструментом борьбы. Сегодня же, по сути, она не нужна. Для власти сегодня культура имеет смысл только в том случае, если власть понимает, как «деятели культуры» будут голосовать. Выступят они в нужный момент за эту власть или выступят против? То есть в запуске кинопроектов (и проектов в других сферах искусства и вообще культуры) есть элемент, скажем так, покупки. Просто тех или иных «деятелей культуры» надо покупать, чтобы они там особо не «выступали».

М. К.: То есть если раньше мы воспитывали «советского человека», то...

К. Ш.: То сейчас у нас вообще нет задачи воспитывать. У нас вообще никакой задачи нет. Но государство дает деньги. *(Смеется.)*

При этом в основном у нас «деятели культуры» сегодня – прозападные. Но, поскольку они время от времени «питаются» все-таки отсюда, хотя бы молчат. Или не всё говорят, что могли бы. Кстати, этот элемент покупки «деятелей культуры», в общем-то, существовал всегда. И Сталин покупал писателей и режиссеров – причем не скрывал этого. У него деятели культуры получали очень большие деньги. В сравнении с оплатой других профессий – просто огромные.

В 70–80-е, когда я пришел в кино, это уже прекратилось. Деятели культуры и кино тогда уже гораздо меньше зарабатывали. Вот и пошло «диссидентство», начались все эти отъезды за границу. В итоге в этой борьбе идеологий так называемая творческая интеллигенция большую роль сыграла. И произошло это во многом потому, что ее перестали покупать. То есть покупали, разумеется, но мало. Там, куда они уезжали, им предлагали больше.

В этом плане Сталин оказался весьма дальновидным политиком. При нем были созданы все эти системы творческих союзов. Со всевозможными льготами, домами отдыха, распределителями дефицита. Союз кинематографистов даже раздавал автомобили. Не говоря уже о квартирах и дачах.

Все это было заложено при Сталине. И, в принципе, сегодня эта идея снова начинает витать в воздухе: мол, надо бы относиться к художникам именно так. Но, с другой стороны, Сталин немало требовал за это. Художники должны были не просто быть лояльны к советской власти (я думаю, большинство из них и в то время были не очень лояльны), а чтобы еще и работали на власть, на идею. Сегодняшняя власть этого не требует. Она только покупает.

М. К.: То есть получается, что нынешние деятели культуры – это «двойные агенты». Они и дома «лояльны» (и за это что-то получают), и из-за кордона им кое-что перепадает за специфический реализм в изображении «имперской действительности».

К. Ш.: Совершенно верно. Но в целом сегодняшние взаимоотношения власти с культурой совершенно непонятны. С одной стороны, власть хочет, чтобы культура была лояльна к ней. Пускай даже не агитирует за, главное, чтобы не выступала резко против. Ну, конечно, есть и отщепенцы, какой-нибудь Акунин. Хотя в целом это удастся – культурно лояльна.

Но с другой стороны – власть не требует, чтобы культура работала на страну! Поэтому у нас и полный кавардак в культуре.

М. К.: На мой взгляд, это не кавардак называется. Если в кинокартине о советской космонавтике нам демонстрируется Байконур в грязи, рядом бараки, бывший лагерь зэков. И первые космонавты, в скафандрах, егоят по этой слякоти между бараками на велосипедах... Это ну о-о-очень внятная метафора. И цель ее очень ясна. На это отпущены государственные деньги.

К. Ш.: Цель этой картины проще, чем вы думаете, – это западные фестивали. Этот деятель работает туда. И совершенно предсказуемо собирает урожай премий на Западе. Проблема в том, что это ему позволяют *здесь*. Выдавая государственные деньги, здесь с него ничего абсолютно не требуют.

М. К.: Но почему?!

К. Ш.: Я не знаю. Потому что нет идеи. Никакой идеи нет. И это проблема современной России. Какая у современной России идея?.. Сейчас как будто что-то начинает складываться – на фоне столь явной конфронтации с Западом. Но культурная элита до сих пор не может поверить в то, что эта конфронтация серьезна. Да и правящий класс до сих пор надеется, что всё это как-то рассосется. Они еще не верят, что грядет новая холодная война, по крайней мере что эта война будет бескомпромиссна, жестока и решительна, «до победного конца». Они до сих пор, на мой взгляд, не вполне представляют, какого напряжения сил эта борьба потребует...

Внешняя угроза

К. Ш.: ...При этом мы знаем, что идея борьбы с внешней угрозой всегда объединяет. Это уже какая-то идея. Но дело все в том, что наша власть боится такую идею озвучить и перед страной поставить соответствующие задачи. Власть еще надеется, что все это как-то удастся разрулить.

Прямо скажем, власть у нас сама еще очень прозападная. Это и проблема нашей молодой национальной буржуазии, чьи интересы, как мы говорили, выражает Путин. Иными словами, проблема российской национальной буржуазии в том, что она еще очень труслива. Она не готова к серьезной борьбе.

В 90-е и нулевые она больше всего не хотела, чтобы сюда совсем уж влезли западные коммерсанты и всё отжали у нее. Ведь к этому дело-то шло. Чувствовалось, что Запад может отжать вообще всё. Эта опасность, на мой взгляд, была во многом преодолена – наши получили свой кусок. Но сегодня, когда им пришлось углубить конфронтацию с Западом, оказалось, что они абсолютно не просчитали реакцию Запада. Не подумали о том, что Запад не прощает подобных вещей. Хотя его логика, в общем, проста: «Ребята, вы захотели у себя капитализма? Ну простите, тогда давайте уже по-серьезному. Капитализм – это война интересов». И Запад серьезно настроен. Особенно их, как говорится, тепловоз – в виде Соединенных Штатов.

М. К.: Запад и его капитализм – это, прежде всего право сильного. Поэтому, если он чувствует себя сильнее, он будет давить. Как можно этого не понимать?

К. Ш.: Иллюзии – очень живучая субстанция. Наша национальная буржуазия до сих пор живет иллюзиями о том, что «Мы с вами вместе!», «Мы – такие же как вы!» и тому подобное. А те говорят: «Нет,

вы не такие же, как мы. Вы должны сидеть в своем тамбуре вон в том углу».

Вот в чем суть произошедшего.

«Мюнхенская речь» Владимира Владимировича 2007 года – уже очень показательна в этом аспекте. Ведь к чему сводился ее смысл? – Ребята, мы же вроде всё вместе делаем, а вы нас загоняете в угол. Зачем вы это делаете? Это же нечестно.

«Мюнхенская речь» выражала разочарование нашей национальной буржуазии и была ее первым публичным обращением к Западу, который еще обладал на ту пору для нас моральным авторитетом. А те ответили: нет никаких «мы», нет никаких «вместе», и нам этих вещей совершенно не надо, поскольку «каждому свое», вот и у вас – свое, вам отведенное место.

Для наших это было неожиданно. Это застало их врасплох.

Но, в моем понимании, этот процесс так или иначе совпадает с интересами российской нации. Потому что, если бы этого открытого конфликта не произошло, они бы помаленьку нас сожрали. С потрохами. Да-да, если бы не было этих санкций, этого скандального противоборства на протяжении пяти лет, они бы уже растворили нас в себе.

Санкции, бесспорно, явились благом для нас. Хотя бы потому, что наша национальная буржуазия совершенно была не готова к такому уровню конфронтации. Она и не ждала, и не хотела такого градуса противоборства. А теперь, извините, приходится работать в тех условиях, которые за эти несколько лет созданы. Приходится, хочешь не хочешь, что-то со своей страной делать.

М. К.: То есть получается, что санкции – ошибка Запада?

К. Ш.: Да, это их ошибка. Это, наверное, Бог нам помог. Я ж говорю, Бог всем рулит!

Если бы всё продолжалось в том же духе, за эти пять лет, думаю, мы до конца превратились бы в колонию. И уже ничего нельзя было бы изменить. Сами мы переломить этот «естественный ход» нашей истории уже не могли. Нам не хватало воли, стимула, идеи... А они своими санкциями будто вывели нас из летаргического сна. Они заставили наше правительство и нашу буржуазию работать.

М. К.: Но эта конфронтация еще далеко не закончена. Они же дают все сильнее и сильнее. С прошлого лета это уже колоссальный пресинг, настоящая экономическая война. Может быть, это со временем потребует вообще напряжения всех сил государства?

К. Ш.: Может быть, и потребует. Я думаю – и у нашего государства, и у нашего народа есть еще немалые резервы. Но гораздо интереснее, что это может потребовать и серьезной смены вектора. Уже сегодня однозначно требуется смена большей части бюрократии, поскольку сегодня это не та бюрократия, которая может сражаться с Западом. Это совершенно не те люди. То есть среди них имеются отдельные типажи, которые способны на многое. Но в целом, по своему классу, совершенно другая элита нужна.

М. К.: А где же ее взять? Впрочем, чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала понять – эта нынешняя элита откуда? Где находится нынешняя «кузница кадров»? Раньше, у государя-императора, это было дворянство. Он оттуда черпал кадры. У Советского Союза была партия. А сегодня что это? «Единая Россия»? Народный фронт? Отчасти мы эту тему уже начали затрагивать.

«Кадры решают всё», или Симфония императоров. Батый. Сталин. Мао

К. Ш.: К сожалению, «Единая Россия» явно не может с подобными задачами справиться. Разумеется, это должна быть достаточно свободная партия. И уж конечно, не столь забюрократизированная, как «Единая Россия». Но, как я уже говорил, в этом проблема Владимира Владимировича. Воссоздавая государство, он создал эту бюрократическую систему. Но она же сегодня и подрезает крылья многим его начинаниям. А сама при этом склонна выдвигать такие непопулярные инициативы, как проведение пенсионной реформы, – не отличающиеся ни интеллектуальной проработкой, ни заботой о людях.

М. К.: Отличающиеся полнейшим отсутствием кругозора. Не только политического, но и экономического. Эта реформа просчитывается так, будто один фрагмент экономики, которым сегодня дает пополнение пенсионного фонда, вообще никак не может быть связан с другими. Как будто он – отдельное государство. По-моему, такой тупой линейности, похожей на чью-то единственную извилину, нет в экономике ни одного развитого государства.

К. Ш.: Это проблема нынешней номенклатуры. Судя по всему, уже и Путин ей не очень доверяет. Но где взять другую? В этом вся проблема.

Вот все говорят, что Сталин – деспот, Сталин – император, но в действительности и власть Сталина была не беспредельной. Была партия, с которой он был вынужден считаться. Но ты правильно сказал, что партия была и тем ресурсом, откуда Сталин черпал кадры. Эта схема была очень эффективна до тех пор, пока при Брежневле партию не превратили в формальность. Тогда всё перестало работать. Но этот процесс тоже был неизбежен, так как у Сталина была своеобразная система ротации. Он сажал. Срезал ту часть, которая, став бюрократией, начинала «подсыхать»...

М. К.: Или срастаться с другими ветвями «народного хозяйства».

К. Ш.: В общем, переставала его устраивать, так или иначе. Шел постоянный процесс обновления. С мест приходили рабочие, крестьяне, интеллигенция – и власть укреплялась новыми и очень идейными людьми. Кстати, то же самое и Мао Цзэдун делал под именем «культурной революции» в 1966–1976 годах. Может быть, если бы он ее не сделал, современного Китая не было бы. Но тогда его все осуждали (и даже у нас!) – ведь Мао Цзэдун делал по-сталински это.

Мао взял и срезал тот слой, который потом мог стать компрадорской буржуазией. Ведь, будем говорить честно, всегда возникает какой-то слой партии, номенклатуры, производственного руководства, который достаточно быстро обуржуазивается. Мао вовремя почувствовал, что именно это происходит с китайской компартией, и придумал эту «культурную революцию».

Конечно же, довольно жестоко он все это проделал. Уничтожил физически всю политическую оппозицию и создал новый управленческий класс, на котором, на мой взгляд, Китай до сих пор держится. Поскольку компартия там сохранила свое – как это в советское время называли – «здоровое неревизионистское начало». Но и у них, конечно же, со временем проблемы будут.

Подобные системы могут эффективно развиваться только при отлаженном репрессивном аппарате. А убираешь его – и что происходит?

Громько – в течение 30 лет министр иностранных дел, в 79 лет – председатель Президиума Верховного Совета СССР. Косыгин – председатель Совета министров до 76 лет, до смерти. Устинов до 76 лет – министр обороны. А уж Брежнев, Черненко...

М. К.: Я недавно прочел книжку Святослава Рыбаса о Сталине, которая вышла в серии «ЖЗЛ». И вот Рыбас пишет о том, что в советских регионах именно в результате индустриализации началось сращивание интересов партийных начальников с интересами руководителей промышленных объектов. В числе прочего они уже в середине 30-х почувствовали, что в их руках сосредоточены огромная власть и колоссальные финансы. И они начали давить на Сталина... В итоге они захотели его реально снести на каком-то съезде. И сообща разработать какую-то иную систему хозяйствования. Что это было бы в случае их победы – сегодня тайна за семью печатями. Но Сталин вовремя просёк эти «тенденции», так скажем.

К. Ш.: Я эту книгу читал, очень хорошая. И никакой тайны, конечно же, нет в том, что произошло бы в стране, если бы Сталин не удержал власть. Вот только вопрос – война в этом случае была бы выиграна? При всей жестокости сталинской системы она работала. Но для нее нужна была фигура Сталина, который был личностью сверхэкстраординарной. Такие фигуры появляются раз в сто, а то и в двести лет. Потому и получилось так, что потом пришли более слабые лидеры – Хрущев, после – Брежнев (Сталин, в сущности, зачистил поле). Брежнев был, конечно, неплохой человек. Потом Андропов – и он был выдающейся личностью, бесспорно. Но всё это были птицы не того полета.

М. К.: На мой взгляд, необходимые кадры найдутся всегда – но только в том случае, когда мы точно понимаем, для чего они нужны. То есть: что мы строим? И Ленин, и Сталин, и даже Хрущев хорошо понимали, какое государство и какое общество они хотят создать. В Российской империи, когда образовывался класс дворянства, Петр Первый и Екатерина Великая прекрасно понимали – какие задачи с помощью этого класса им надо решить. То есть сначала – задачи, потом – класс. Не наоборот. А сегодня кто-нибудь скажет, что мы строим? Монархию? – нет. Демократическую республику? – нет. Грубо говоря, просто «капитализм»? – Думаю, если даже Путина спросить так, он односложно не ответит. Не скажет «да» или «нет». А мы услышим некое рассуждение, в меру обтекаемое, в меру конкретное. «Социализм»? – Тут ясно, нет. «Социальное государство»? – Хотелось бы сказать «да», но почему тогда эти малюсенькие зарплаты и пенсии в регионах? Почему пенсионная реформа? (В столь богатой ресурсами и малонаселенной, по сути, стране.)

К. Ш.: На мой взгляд (и я всегда говорил), Россия – империя по своей природе. Может быть, мы сами этого еще не понимаем. Может быть, и Путин не понимает еще до конца... Но, что ни говори, Россия во все века выстраивалась и двигалась как империя. Отсюда и все взаимоотношения народа и власти. Нужно для империи крепостное право? – вот вам крепостное право. Значит, оно будет. Необходимо служилое дворянство – набирается служилое дворянство. Если для того, чтобы империя получила абсолютное самодержавие плюс вотчинные земли, надо рубить боярам головы – значит, и Иван Грозный, и Петр Первый будут рубить боярам головы. Если для империи нужна индустрия и класс «колхозного крестьянства», значит, будет этот класс. Вообще мне кажется – у нас первична имперская идея, а все остальное – классы,

сословия – встраивается в эту имперскую систему. Приобретает в ней некие функции. Это парадоксально, но это так.

Поэтому у нас, как ни крути, кто ни приходит – царь, председатель Совнаркома, генсек или президент, – это все равно император. Подсознательно Путин, видимо, это понимает. Я вот бывал на его инаугурациях... Ведь это при нем начались столь роскошные, величественные инаугурации! По духу они совершенно имперские. Кто-то может даже сказать, что это чересчур. Но для империи нужны символы. Ей как воздух необходимы подобные торжества.

Вообще Россия, на мой взгляд, единственная из империй, которая осталась империей в ее изначальном понимании. Все остальные ушли. Китай считается империей, но это очень относительно, у нее другой характер. А Россия – империя классическая во всех проявлениях. И она сохраняет это.

М. К.: Поразительно, что она изначально возникла как империя! Еще до принятия христианства, в X веке, первые русские князья вещей Олег и Святослав очертили свои земли от Балтики до Черного и Азовского морей по вертикали и от Карпат до низовий Волги по горизонтали.

К. Ш.: Не соглашусь. Я в этом смысле – гумилевец и считаю, что первооснову Российской империи заложили монголы. Русские были частью их империи, спокойно платили налоги (дань так называемая), русские полки воевали на стороны Орды во многих походах. Но долго это продолжаться не могло: нетитульный народ будет чем-то всегда недоволен, это вполне понятно. И как только монгольская империя ослабла, стала рассыпаться, Русь отъединилась, а со временем заняла ее место.

То есть первая евразийская империя, созданная монголами, продолжила свое существование уже как империя Российская. Понятно, сначала – Московское царство, которое уже было имперским образованием по сути своей, а затем – когда оно в XVIII и XIX веках максимально продвинулось на юг и восток – стало великой империей и по своему состоянию, и по названию.

М. К.: Но в отличие от других империй, той же монгольской, византийской или британской, у которых совершенно отчетливо прослеживаются периоды – скажем, период основания, период расцвета, период упадка и исчезновения, – Российская империя все время изумляет тем, что она после своих упадка и исчезновения опять возрождается. Восстает как Феникс из пепла. После Смуты XVII века возродились, хоть половина территорий на долгие десятилетия осталась под Польшей и Швецией, но в течение ста лет снова всё вернули. После катастрофы 1917 года возродились. Да если и поглубже копнуть – в древности, после монголов, тоже возродились, хоть вы считаете, что они-то нас и создали. Я так всё же не считаю: государство Святослава, Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого – это уже Русь самодержавная. И она прирастала территориями с такой скоростью, как никакая Византия.

К. Ш.: Но это было скорее освоение территорий, а не поглощение других государств. Поэтому территории и заселялись практически однородным славянским этносом. Там, конечно, были еще финно-угры, у которых государственность была совсем в зачатке. Они частично ославянивались, частично отходили вдаль – в леса. Но это были еще не вполне те процессы, которые характеризуют возникновение империи. И княжеская власть – это еще не императорская, даже не царская. Неслучайно та единая, действительно очень большая по территории Русь

так легко распалась на отдельные княжества. Началась феодальная раздробленность, в силу которой эти русские княжества и были вынуждены подчиниться монголам. И очень многому, кстати, у них научились – в том числе и государственному строительству.

Непредсказуемость

М. К.: Получается – чем лучше нам врезать, тем быстрее учимся, как снова стать великими? Поэтому снова и снова восстаем?

К. Ш.: Но это пока мы восстаем. Мы не знаем, к сожалению, как дальше всё сложится. Центробежные процессы еще далеко не остановлены. Россия уменьшается. Если ты посмотришь на нее в пространстве 150 лет – увидишь, что империя, конечно, уменьшается. Отсюда и возникают нехорошие мысли у тебя и у меня – не признак ли это полного распада? Устаканится ли наша территория сегодня или это расползание будет и дальше идти?

Кстати, к этому прежде всего прислушиваются на Западе. Они именно так историческое движение нашей страны и склонны воспринимать. Поэтому там и считают, что надо дожимать. Мол, русские еще там трепыхаются, этот Путин сумел затормозить центробежные процессы. Но в принципе – там полагают – исторический процесс необратим. А значит, можно его где-то и ускорить – тут нажать, там нажать. И, к сожалению, они могут в этом оказаться правы. Никто не знает этого. Все в руках Бога.

Другое дело, что и они тоже гикнутся. Вот чего они до конца не понимают – того, что если российская империя падет, для них это тоже конец.

М. К.: Чтобы это понять, надо, наверное, прежде всего ощущать Россию как метафизическое образование. А с такими ощущениями, по-моему, у них там туго.

К. Ш.: В этом смысле они и себя не понимают. Не понимают роли и значения той системы, которая условно называется сейчас «Западный мир». Поэтому едва ли смогут спастись сами от полного обрушения. Они уже сегодня идут к этому. А если мы исчезнем, их ничто не остановит перед краем пропасти.

Ведь если тот же Запад рассмотреть в пространстве 150 лет, то совершенно очевидна деградация. Даже с точки зрения чисто территориальной. Западом была Британская империя. С некоторым добавлением испанцев, французов и немцев этот Запад контролировал практически всю планету. И что сейчас? Западный мир потерял свое владычество. Великобритания, Франция, Германия, Испания, по сути, стали региональными странами.

Недавно я прочел одну книжку Нила Фергюсона, британского историка и писателя, известного своими империалистическими взглядами. Фергюсон – такой апологет Запада, он резко отрицательно относится к российской власти во главе с Путиным, сравнивает современную Россию с веймарской Германией, поэтому у нас эта книжка не переведена, но я читаю по-английски, так что прочел с интересом. Так вот, Фергюсон там говорит о том, что западная цивилизация исчезает. Поэтому, строго говоря, очень актуален вопрос – кто первый? Россия или Запад? Поскольку процессы распада протекают у нас и у них одновременно.

С другой стороны, можно говорить, что мы тоже часть Запада (если рассматривать Запад как глобальную цивилизацию). Потому что в наших корнях мы едины. В большой степени и в нашей культуре. Думаю, мы с полным правом можем считать себя частью Запада, пусть и непризнанной самим Западом частью. (Что ж поделаешь, если Запад все время от нас дистанцируется, при этом пытается то захватить нас, то заблокировать, то «починить».) Но в целом можно говорить, что вообще наша общая планета идет к увяданию.

Хотя, если честно, в истории невозможно, на мой взгляд, что-либо предугадать. Хотя я и участвую в политических ток-шоу, изучаю аргументы западных историков, но при этом никогда не забываю о такой парадоксальной вещи, что ни одно вообще историческое событие не было предсказано. Такой уж великий драматург там, наверху, эти сценарии пишет...

Это потом, когда происходит нечто выдающееся, все хватаются за голову и говорят: ну, конечно, так и должно было быть! Находится тысяча причин. Это все оказывается объективным процессом. Кто-то вспоминает, что «все это» предсказывал, предупреждал... Но в действительности масштабов событий предугадать невозможно. Мы обо всем практически постфактум уже говорим.

Разве накануне Второй мировой войны кто-либо мог себе представить чудовищные масштабы событий, которые сотрясали восточную часть Европы на протяжении четырех лет?

Это только сейчас всё и всем понятно: ну конечно, это ж Гитлер. Чего еще от него можно было ожидать. Говорят, что Сталин знал о начале войны, что все абсолютно продумал – и партизанское движение в тылу у Гитлера, и «глубоко эшелонированную оборону», и эвакуацию заводов в тыл. Но, я думаю, он до последнего надеялся, что войны не будет.

Но все мы смотрим уже, как говорится, с высоты определенного опыта. При этом забывая о том, что каждый опыт, по сути своей, уникален. А может, завтра будет война? Я тебя уверяю, что потом все скажут: ну это же было очевидно. «Все к этому шло». Но на данный момент никто не верит в то, что может быть война. А на самом деле она может быть. И может принять масштабы совершенно апокалиптические. И потом историки (если, конечно, кто-то вообще останется в живых) будут говорить, что действительно, если проанализировать ситуацию объективно, все к этому шло. Что это было просто очевидно.

Но разве мы сегодня живем с этой мыслью? Нет. Я уверен, что с этой мыслью не живут ни Путин, ни Трамп. Вообще никто из политических лидеров. И я думаю, что примерно то же самое было и до войны...

История управляется какими-то силами помимо нашей воли. По большому счету, когда мы живем здесь и сегодня, нам вообще все это кажется хаосом. Вокруг нас в непредсказуемой последовательности ежедневно принимаются тысячи решений – политических, экономических, военных. Мы, в свою очередь, что-то поддерживаем, чему-то пытаемся противостоять, многое просто комментируем, еще большего даже не знаем. И все это – ткань сиюминутной политики. И в ней как будто вообще не прослеживается перспектива, всё это для нас – как броуновское движение, пока не выливается в какие-то глобальные перемены. И тогда задним числом все моментально умнеют: ну это же все было очевидно. Так и должно было случиться.

Политика и человек искусства

М. К.: Но если все мировые события непредсказуемы, то политология вообще лишена смысла? Почему тогда такие рейтинги у политических ток-шоу? Без ложной скромности признайте, что вы входите в число тех, кто обеспечивает эти рейтинги. В студиях ток-шоу вы не менее на своем месте, чем на съемочной площадке или в должности руководителя киноконцерна «Мосфильм». Поэтому как-то не верится, что всё это для вас пустое.

К. Ш.: Конечно же, всё это для меня отнюдь не лишено смысла. Я же говорил, что старался беспристрастно и объективно взглянуть на мировые процессы, я переживаю за свою страну. И потом, даже осознавая всю непредсказуемость исторических событий, мы все равно стараемся уловить что-то. Хотя бы в обозримом будущем.

Поэтому люди (и я в том числе, я же вообще вырос в семье политолога) охотно размышляют на политические темы. И хотя наши прогнозы редко сбываются, сами эти обсуждения, открытое высказывание противоположных мнений, на мой взгляд, очень полезны для общества.

М. К.: Странно только то, что в нашей стране (кстати, в отличие от многих других стран) даже люди искусства – и мой собеседник здесь не исключение – мыслят в области политики куда более ясно и здраво, чем по меньшей мере половина приглашаемых на эти ток-шоу профи. А ведь это, в общем-то, всё специально обученные люди – экономисты, политологи, чиновники... Только почему-то, уже по ходу этих телепередач, я понимаю, что доверять прогнозам большинства из них – просто опасно для жизни.

К. Ш.: Поскольку, как я уже говорил, прогнозы дело вообще неблагодарное, даже на этих ток-шоу они звучат довольно редко. А что касается того, почему высказывания «людей искусства», как вы говорите, порой более здравы, то причины этого, мне думается, вполне объективны. Когда я рассматриваю какое-то явление, я прежде пытаюсь взглянуть на него в том пространстве, где все взаимосвязано со всем. Это особенность именно художественного взгляда. Я не хочу преувеличивать и свои заслуги как художника киноискусства, но все равно у меня взгляд художественный.

Вообще, мне кажется, если вы хотите получить какие-то свежие наблюдения и даже прогнозы, то надо обращаться не к политологам и не к ученым, а к художникам. Как ни странно, художники больше способны на это. Порою даже не особенно известные. Просто у них взгляд совсем другой. Строго говоря, в произведениях художника, который даже и не собирается делать прогнозы, можем нащупать такие вещи, которые в ежедневной суете нам трудно почувствовать.

Я, например, всегда, наблюдая политиков, исхожу из своего опыта (да и из человеческого опыта в целом). Другими словами, я смотрю на людей политики как на людей. Здесь сказывается моя профессия: ведь собственно задача художника – исследовать человека. Я прежде всего именно этим занимаюсь. И когда я пытаюсь анализировать решения исторических личностей, я припоминаю себя или своих знакомых в аналогичных ситуациях. Ведь, если ты знаешь, как человек ведет себя на коммунальной кухне, будь уверен – его природа та же самая и в переговорах в каком-нибудь Кэмп-Дэвиде. Ведь природа человека всюду одинакова.

А политологи пытаются мыслить какими-то политическими движениями, статистическими данными, заявлениями, нотами. Конечно, это тоже важно. Но, пренебрегая человеческим, политолог незаметно для себя приходит к тому, что оперирует сиюминутным положением вещей. Начинает рассматривать проблему в радиусе последней недели. Иногда присовокупляя к этому прошлое. Зачастую, в общем-то, это и есть его задача, он и должен анализировать сиюминутную политику. А вот художник, даже поневоле, в силу своих навыков это делает на пространстве более расширенном. То есть он невольно мыслит в многомерном историческом пространстве.

Художник так устроен, что – просто глядя в окно – он нащупывает более точные жизненные аналогии, чем политолог. И это порою приводит к необыкновенным прозрениям. Мне кажется, это даже не какой-то особенный дар человека. Просто это некий метод, которым человек с юных лет, занимаясь тем или иным искусством, овладевает. Это что-то чисто профессиональное.

М. К.: А как же та распространенная мифологема, что художник – ну, скажем, какой-то частью своего существа – способен подключаться к Божьему промыслу? И таким образом он что-то прозревает...

К. Ш. (смеясь): Ну, это слишком смелые предположения. А вот что я могу сказать абсолютно точно. Когда раз я размышляю о каких-то событиях, я все время пытаюсь поставить себя на место того или иного политика в данной ситуации. Понять, чем он руководствуется. По сути, это все равно что в кино ты разбираешь сцену. Стараешься понять, как персонаж должен верно себя вести. Какова его главная мотивация? О чем он мечтает? Чего он боится?

Чтобы точно и естественно выстроить сцену, тебе важно все это понять и прочувствовать. Попытаться самому стать этим персонажем. И не только им одним. Каждый раз тебе нужно выстроить взаимоотношения между всеми героями пьесы или сценария.

В принципе, оценивая политическую ситуацию, я делаю то же самое. Причем совершенно произвольно – видимо, у меня это уже чисто профессиональное. То есть я пытаюсь при анализе встречи Путина с Трампом стать Трампом. Или стать Путиным. Пытаюсь понять, какие там – за этими улыбками и рукопожатиями – реальные мотивы. То же самое, если бы я разводил на площадке мизансцену. Чтобы понять, как верно должно идти действие, я должен чувствовать и какие ближайшие цели ставят герои перед собой, и какие у них сверхзадачи.

Но повторяю – все это не отменяет политологию, поскольку у нее несколько иные задачи. К сожалению, более локальные, сиюминутные, что ли. Но и их решать необходимо. А я не против взять на себя функцию «художественного взгляда» на политику.

М. К.: Очевидно, неслучайно, что и в ваших фильмах так много политиков и политики. Это и «Сны», и «Цареубийца», и «Яды», и «Всадник по имени смерть»... Даже если где-то нет политики, там действуют герои, которые активно осмыслиют то общество, в котором живут, и свое место в нем. Обсуждают политические темы. Это происходит и в «Курьере», и в «Городе Зеро», и в «Исчезнувшей империи»...

К. Ш.: Но ведь и на самом деле, люди живут не в безвоздушном пространстве и не в «райском саду», а в системе политической. Я считаю, что вообще не бывает людей вне политики. Даже те люди, которые сами заявляют о своей аполитичности, таковыми не являются. Их аполитичность в действительности обусловлена той или иной

реакцией, как правило негативной, на политику власти. Иногда это только акцент тех или иных политических взглядов. Как правило, протестных.

Политика – уже неотменимая часть мира, в котором мы все существуем. Просто это надо понять и принять.

Итоги XX века

М. К.: Создание СССР, бесспорно, изменило не только нашу страну, занимавшую шестую часть суши, но и весь мир. Вы не раз об этом говорили. Итак, с какими достижениями и какими проблемами, на ваш взгляд, Советский Союз подошел к рубежу девяностых?

К. Ш.: СССР действительно изменил мир. На мой взгляд, до сих пор это высшее достижение российской цивилизации за все время ее существования. Дай бог, чтобы было что-то еще.

Кстати, мы об этом почти не вспоминаем. А напрасно. СССР разрушил всю систему колониализма в мире. Вообще Британская империя исчезла с карты мира во многом благодаря СССР. Вот мы частенько говорим о нелюбви к нам британцев. Но совсем несложно эту нелюбовь понять, если помнить, что вообще-то СССР разрушил британскую империю. Уж кто-то, а британцы этого не забывают. У них это и в сознании, и в подсознании, как говорится, «свербит». Ведь если бы не СССР и не его поддержка освободительных движений, то вообще неизвестно, как бы всё сложилось. Хотя бесспорно, что эти освободительные движения являлись объективным процессом. Но вот хватило ли бы у них одних своих силенок? По крайней мере, сегодня никто, даже наши либералы, не оспаривает, что СССР сыграл в этом процессе колоссальную роль.

И у СССР много таких заслуг. Но главное удивительное его достижение, что впервые за целое тысячелетие *не западная* сторона стала опережать мир в технологиях.

М. К.: Имеются в виду наши военные достижения?

К. Ш.: Не только военные! У СССР была масса всевозможных достижений: первая ядерная электростанция, первый реактивный самолет, первый атомный ледокол. Я уж и не говорю о вооружениях, о первой водородной бомбе, об автомате Калашникова и так далее. Вооружения – само собой. А наши достижения в освоении космоса? Первый спутник – наш, первый человек в космосе – наш, первый выход человека из космического корабля в открытый космос.

Как же так? Ведь Запад всегда, испокон веков, опережал всех с точки зрения технологий. Но советская наука во многих своих областях либо встала на тот же уровень, либо начала опережать Запад. Вспомните историю – Российская империя, при всем уважении к ней, никогда не опережала Запад в в технологиях. Она многое заимствовала, в разработках максимум дотягивалась кое-где – в отдельных случаях, которые не становились правилом. А в целом всегда отставала. Именно советский период обеспечил российской науке и наукоемким индустриям качественный рывок. И во многом этот рывок был осуществлен благодаря советской системе образования. Это тоже заслуга революции, которая смела все сословные барьеры. Жестоко смела. Как и свойственно революции. Отсюда результат – массы простых людей получили доступ к высшему образованию.

Мне не нужно далеко ходить за примерами. Революция очень много дала моим родственникам по линии матери. Они были простыми крестьянами, сложно даже представить сегодня себе, как они жили. Но их дети получили доступ в институты, доступ к бесплатному здравоохранению, городскому жилью и так далее. Им подарили великую мечту о самом справедливом обществе в мире. И за это они воевали.

Но прежде всего смысл существования Советского Союза был в быстрой модернизации страны, которая, бесспорно, отставала.

Начиная с 90-х, у нас и «правые», и либералы любят говорить, что до революции (или как минимум до Первой мировой войны) Россия быстро развивалась. Может, она и быстро развивалась, но все равно ужасно отставала. И, кстати, это отставание, предопределившее неудачные войны Николая II, было причиной революции. Поскольку индустриальное отставание сказывается в первую очередь на военной области. Русско-японская война и Первая мировая наглядно это показали. Поэтому эта модернизация (да, ее провели жестоко, но по-другому нельзя было) в итоге вывела страну на новый уровень. Мы победили в войне практически со всей Европой.

Тем не менее уже в 70-е (тогда я уже был в сознательном возрасте, поэтому высказываюсь уже с точки зрения своего опыта) мы чувствовали, что не работает уже эта система. Я помню, на меня произвело очень сильное впечатление то, что я увидел в Рыбинске в 1983-м (одна из первых моих киноэкспедиций, по-моему, тогда я снимал «Мы из джаза»). И вот меня, «молодого кинематографиста», в рамках какой-то «культурной программы» потащили на какой-то завод (уже точно не вспомнить какой). Производил он какую-то технику, что-то вроде специализированных цеховых кондиционеров или турбинных установок для самолетов. Помню, главный инженер, такой интеллигентный симпатичный человек, что-то мне рассказывал, ведя по своему предприятию. Но что меня поразило больше всего – когда мы обошли уже все здания, он вывел меня на огромный задний двор и говорит: «Но дело всё в том, что... Вот посмотрите...» И показывает, что весь этот двор завален их изделиями. Я говорю: «И что это? Как понимать?» А он говорит: «Дело в том, что всё, что мы делаем, привозят обратно. И здесь оно так и валяется». Оказывается, только 80 штук этих высокотехнологичных изделий ежегодно было нужно нашему «народному хозяйству». А всё остальное – то, что они делали, выполняя и перевыполняя план, получая за это награды и премии, – было уже лишним.

И это входило в сознание работников этого завода. Эта гора металла, в которую вложены их навыки, их интеллект, их труд, которые здесь же и складировались, создавала ощущение всеобщей безнадеги.

М. К.: А при Сталине бы за такое расстреляли.

К. Ш.: Поэтому я и говорю, что для того, чтобы подобная система работала (и работала эффективно), нужен Сталин как минимум.

Мать мне рассказывала, как моя бабка ходила на похороны Сталина. Они все рыдали, Сталина любили. Основная масса, если не считать ту часть (по сути небольшую в сравнении с населением всей страны), которая попадала под репрессии, любила его. Но при этом, как ни странно, те же люди, которые плакали на похоронах вождя, промолчали, когда шла десталинизация. А почему? Да потому что устали. От Сталина тоже устали. Это был слишком тяжелый груз. Сталин требовал от людей работы на пределе возможного. И люди

работали, совершая даже то, что сегодня нам кажется какой-то фантастикой. Все эти свершения стали реальностью только потому, что у людей было внутреннее ощущение, что сделать это абсолютно необходимо. Но после войны народ уже не мог так жить и дальше. Нужно было менять систему.

Насколько я знаю, у Сталина были такие мысли, но он уже не успевал этого сделать. После его ухода проблемы только накапливались в течение двух десятилетий, а уже в 70-е практически всем было очевидно, что необходимы изменения. Поэтому, когда сегодня кто-то сетует, что, мол, «во всем виноват Горбачев», это, конечно же, не от большого ума говорится.

Когда Горбачев пришел, народ его на ура принял. Настолько утомились все от бесконечной фальши, от этого застойного театра абсурда. Настолько всем хотелось что-то в стране поменять.

Порой я думаю, что никакой другой путь был невозможен. В той огромной советской империи переход на рынок не мог не сопровождаться распадом страны. Этого нельзя было по-другому сделать.

М. К.: А если бы вместо Горбачева пришел Путин?

К. Ш.: Либо он действовал бы так же, либо это могло закончиться колоссальной войной. Все-таки, надо признать, страна прошла этот период без каких-либо тотальных кровопролитий. А весь распад Советского Союза мог увенчаться такой страшной войной, что Югославия показалось бы цветочками. Разумеется, где-то война спорадически протекала, все равно была Чечня, все мы это знаем. Но все-таки мы избежали «большой крови», очень возможной при распаде огромного государства.

М. К.: А вообще есть ответ на вопрос, почему мы ее избежали? Что-то не верится, что это произошло в результате «мудрых» или «дально-видных» действий тогдашних политиков.

К. Ш. (указывая прямо вверх): Мне думается, что во всем, что касается нашей истории, там – наверху – есть своя логика. Уж так я вижу вещи. И я считаю, что в том, неподвластном нашему разумению раскладе, даже Ельцин, которого я совершенно не приемлю, свою роль определенную сыграл. Ведь, как ни крути, строить новую экономику без полного разрушения советской системы нельзя было. А разрушить ее могли только люди, совершенно равнодушные к России и к судьбе народа. Потому что люди неравнодушные что-нибудь спасти начали. И в результате получилось бы ни то ни се. И Провидение направило сюда людей, таких как Борис Николаевич (а он, конечно, абсолютно равнодушен был к судьбе страны, его, кроме власти, ничего не интересовало). И всю его команду составляли люди, которых, в общем-то, не заподозишь в теплых чувствах к своему народу. Именно такие могли все разрушить до фундамента. С другой стороны, советский фундамент оказался настолько прочен и обширен, что он все равно остался. И на этом фундаменте к сегодняшнему дню мы очень многое построили. Грубо говоря, электроэнергия же осталась? Добывающие отрасли остались? Промышленные центры тоже в большинстве остались. Космос, атомная энергетика, военно-промышленный комплекс. Коммуникации – в виде железных дорог, авиалиний и прочее.

Но «реформаторы» разрушили, конечно, всю систему советских взаимоотношений. Вывезли, распродали огромные богатства, отдали весь внутренний рынок на откуп иностранным компаниям.

Да, что-то не сумели сбить, оставили нам этот мощный фундамент. И это их, конечно, не оправдывает.

И я, конечно же, не выступаю здесь в их оправдание, но говорю, что Провидение или историческая объективность (как хотите назовите) послала тогда именно этих людей. Какие-нибудь «упертые» патриоты бросились бы всё спасать, и это могло обострить ситуацию. В итоге всё сложилось бы намного хуже... А эти по-простому, раз-два, плевать нам на тех и на этих, всё разрушили, но после этого, как ни странно, что-то и начало строиться.

Наши оценки вообще приобретают смысл разве что спустя несколько десятилетий. Если, даст бог, через двадцать лет Россия не распадется, а превратится в первую сверхдержаву Европы (а почему бы и нет?), тогда наши потомки будут рассуждать, анализировать – благодаря кому это произошло? И многие скажут – благодаря Горбачеву и Ельцину. «Если бы они тогда не совершили этих перемен...»

Все же зависит от контекста, в котором мы что-то оцениваем. Еще десять лет назад мы по-другому всё оценивали. Когда я делал картину «Сны», я Ельцина терпеть не мог. А сейчас, оглядываясь назад, думаю: а хрен его знает?.. Может быть, он был, что называется, «слепым орудием судьбы» и выполнил именно то, что ему полагалось.

И все-таки оценка деятельности подобных персонажей в истории, как правило, незавидна. «Лидеры распада», те, кто теряет страны, может быть, и нужны, но все равно они не остаются в истории со знаком плюс. Никому не хочется с них брать пример, быть на них похожим. В этом их драма.

М. К.: Ну да, те же деятели Смутного времени – Борис Годунов, Василий Шуйский. Или Керенский в 1917 году. Так или иначе, они в истории остались с жирным знаком минус.

К. Ш.: Хотя немало сделали! А Николай Второй? В большинстве его оценок – и у историков, и у простых граждан – преобладает негатив. Мне всегда казалось, самая ужасная его ошибка – это вступление в Первую мировую войну. Но последнее время я и на это попробовал взглянуть по-другому.

Вариативность истории

К. Ш.: Да, царствование Николая Второго привело, конечно, к революции. Но правильно ли считать революцию однозначно плохим результатом? Ведь можно ее посчитать и хорошим результатом (как мы и считали в течение 70 лет). Поскольку она изменила страну принципиально (о чем мы здесь уже говорили). Просто сейчас мы находимся в состоянии Реставрации, как французы находились в свое время, вот мы и ругаем революцию. Но не будем забывать о том, что большинство современников революции (именно большинство, никак иначе!) воспринимали ее как великое событие, которое превращает страну в новое качество.

А насчет Первой мировой войны... Представим, что Россия не вступила в войну. Судя по тому, как шла война, немцам вместе с австрийцами и турками потребовалось бы не намного больше времени, чтобы разгромить Англию и Францию, чем в 1940 году. Если бы Россия не спасла тогда своих союзников, немцы дошли бы до Парижа. То есть, в принципе, они бы захватили те же территории, что захватил и Гитлер.

После этого они все равно бы развернулись и пошли на восток. А мы в тот момент не выдержали бы удар объединенной Европы. Та, романовская, Россия точно не выдержала бы.

Судите сами. В начале Второй мировой, которое протекало без участия России (точней, СССР), Гитлер сумел за сорок дней разгромить весь Запад. И развернув всю эту махину, которая уже работала на него теперь, включая Францию, мощные чешские танковые заводы и так далее (да вся Европа так или иначе работала на Гитлера), обрушился на СССР. Но СССР уже сумел за эти двадцать лет, выстроив (благодаря революции!) советскую мобилизационную систему, совершить этот мощный индустриальный рывок. И – с большим трудом, понятно, но тем не менее сумел не просто отбиться от этой западной армады, а разгромить ее.

Поэтому, конечно, можно сетовать на Николая Второго, который выпустил бразды правления из рук, не перевешал всех революционеров на одной перекладине с изменниками из своего генерального штаба... А можно по-другому посмотреть на это дело. Я, конечно, понимаю, что Николай II о столь дальних последствиях своего отречения не думал. Хотя никто этого точно не знает. Но тем не менее на его историческую роль можно очень по-разному смотреть. Дальний ее смысл открывается спустя время. Тогда это казалось – просто война, а вот и ее результат – катастрофа, распад государства, революция. Народ возненавидел Николая Второго...

Только теперь мы понимаем: если бы он не вошел в войну тогда, то России, скорее всего, уже в 1920-е годы вообще конец пришел бы. Войны с объединенной Европой она бы не выдержала. А немцы, овладев Европой, непременно повернули бы сюда, поскольку для войны с Великобританией и Америкой им были необходимы ресурсы. Да они, собственно, и никогда не скрывали, что их цель – Восток: украинские хлеба и животноводство, кавказская нефть, вообще ограбление славянского населения и жесткая эксплуатация его труда. И так далее.

Поэтому и я говорю, что если научиться смотреть на историю в ее вариативности, многие вещи совсем по-другому увидятся. А главное – мы еще не знаем конечного результата. Но думаю, что-то уже будет понятно в ближайшие пятьдесят лет. Тогда отношение будет совсем другое и Горбачеву, и к Ельцину, и к самому факту распада СССР. Конечно, в том случае, если действительно Бог поможет и Россия выйдет в лидеры.

Немного о божественном вмешательстве

М. К.: Вот вы говорили в числе прочего о Боге, Провидении, об их неизвестных нам задачах и планах. А ведь поневоле задумаешься об этих материях, если вспомнить, как все распалось при Ельцине. Такое ощущение, что кто-то сверху чуть ли не за холку держал тогда американцев. Удерживал... Они же могли в тот момент войти и вообще всё взять. Но они не вошли.

К. Ш.: Так сам факт президентства Ельцина, по сути, и удерживал. Поскольку американцам, глядя на него, даже и в голову не могло прийти, что у такой страны, с таким лидером, есть какие-то шансы. Он перед ними настолько уже выглядел клоуном, что – как ни странно – этим и удерживал их от резких движений. Они были уверены, что всё

помалу-полегоньку и так плывет к ним в руки. Да так оно и было. США и Западная Европа в 90-е обогатились за наш счет невероятно.

М. К.: При этом сохраняя хорошую мину при плохой игре – присылая нам грошовую «гуманитарную помощь», предоставляя кредиты...

К. Ш.: Недавно я видел одну телепередачу, где американцы говорили прямым текстом: «Почему мы проспали такой благоприятный момент? Что теперь делать с этой Россией? Надо было решать вопрос раньше, в те самые 90-е!» Ну, конечно, тогда бы они могли всё решить.

Вот, исходя из всех этих вещей, я и прихожу к мысли, что все-таки есть некая сила, которая управляет миром. Но мы не знаем ее конечной цели. Просто по мере сопоставления разных исторических событий, начинает казаться (причем всё отчетливее), будто *там* кто-то играет в шахматы. А мы *тут* пешки. А *там* идет какая-то своя игра, развивается своя история. Где-то надо пожертвовать ферзем. Где-то ладью отдать. А где-то пешка прорывается – и вдруг ферзем становятся. Да кто его знает...

Единственное, что еще могу добавить. Сегодня многие высказываются, что едва ли не основная причина падения СССР – отсутствие в магазине колготок, колбасы, туалетной бумаги и других атрибутов комфорта. Это все чепуха. К событиям такого масштаба всё это почти не имеет отношения. Потому что колготок и туалетной бумаги и в осажденном Ленинграде не было. Но люди сражались, и даже в голову им не приходило выражать какое-либо «недовольство».

А основная причина была в том, что люди перестали верить в цель. То есть перестали верить, что КПСС вот этим «верным ленинским путем» ведет их к каким-то вершинам. Люди сами воочию видели, что советская экономика уже неэффективна. Если даже главный инженер завода демонстрировал мне, постороннему, по сути, человеку, бессмысленность труда своего предприятия, значит, это у него болело. И из таких вот болей, малых и больших, по всей стране и складывалось общее чувство того, что пора что-то менять. Что уже, видимо, неэффективна сама эта советская модель. А если бы наш человек верил в эффективность советской модели, он бы по-прежнему работал и без масла, джинсов, колбасы и тем более туалетной бумаги. Работал бы и дальше на износ, как в 30-е годы – ходил бы без носков, в башмаках на босу ногу, что, в общем-то, русскому человеку свойственно. Для него главное – цель. И чтобы верить в эту цель, как в некую идею.

А в конце 80-х и в 90-е мы видим обратное: Бог как будто убрал патриотов со сцены на это время. А после начал потихоньку выпускать, замать. И сегодня они, в принципе, заняли довольно серьезную позицию. Те люди, которых у нас называют «патриотическим лагерем». А в то время «патриот», действительно, было какое-то ругательное слово. Писатель Проханов имел имидж чуть ли не красно-коричневого. Как будто Бог вот этих поставил, а тех «волевым решением» убрал, чтобы они не мешали тут...

М. К.: Делить госсобственность? Ну, это не Бог убирал, это мы знаем, кто делал.

К. Ш.: Тем не менее. Без самой «высокой санкции», я думаю, столь масштабные дела так запросто, так тихо и бескровно не были бы решены. А потом, когда *эти* свою миссию выполнили, постепенно начали *другие* заполнять пространство. Сегодня они, кстати, уже бóльшую часть информационного поля заполнили.

«СНЫ» ДЕВЯНОСТЫХ

М. К.: Кстати, здесь нельзя не вспомнить еще раз, что ваш фильм «Сны», снятый в 90-е, как раз шел поперек общей тенденции. Там сатирически поданы как раз не так называемые «красно-коричневые», которых тогда все тиражные СМИ дружно гнобили и дружно покрывали «пеленой забвения», никогда не давая им слова. «Прокляты и забыты» – это, собственно, о них в 90-е и в начале нулевых. Так вот, у вашего-то кинофильма – «лица необщее выражение». Там сатирически поданы как раз герои из ельцинского лагеря. Во-первых, эти люди показаны абсолютными временщиками. А во-вторых, они смешны и идиотичны до того, что страшно делается за страну. Для меня вообще загадка, как этот фильм пропустили. Но, с другой стороны, значит, была у нас все-таки хоть какая-то демократия?

К. Ш.: В определенном формате была. Но с этим фильмом тоже не так просто все было... Помню, приехал я в Питер на премьеру «Снов». Естественно, там был и Басилашвили...

М. К.: Он же сыграл сразу две главные роли в этом фильме.

К. Ш.: Да, можно и так сказать, хотя это, по сути, одна роль, распределенная по разным эпохам. Так вот, а он же как раз друг Собчака. Убежденный либерал. Вообще таким ярким антисоветчиком Олег Валерианович был тогда. Но одно дело его политические взгляды, а другое дело – необыкновенные художественные возможности. Актер он, несомненно, гениальный и своего героя в «Снах» сыграл великолепно.

И вот мы приезжаем на премьеру в питерский Дом кино. И я смотрю – Басилашвили притащил с собой мэра Санкт-Петербурга, Александра Анатольевича Собчака. Они дружили. Я говорю Басилашвили: «Слушай, Олег, а ты не погорячился? Я что-то сомневаюсь, что он порадует-ся этой картине». Олег мне говорит: «А чего? Пускай смотрит». Ну, мы представили картину со сцены, а потом вышли из зала и сели с Олегом в ресторане Дома кино. Собчак подошел туда позже, когда кончилась картина. На нем не было лица. Олег спрашивает: «Ну как?» А Собчак выпил рюмку и говорит: «Поздравляю вас». Встал и ушел. Но я видел – на нем просто лица не было.

Тогда я и сказал Олегу: «Мне кажется, напрасно ты его позвал». А он мне, как ни в чем не бывало, отвечает: «Ничего. Пускай знают, что не все у них хорошо».

М. К.: За этим, кажется, звучит: «Пусть знают, что мы не слепые».

К. Ш.: Примерно так. Хотя такого либерала, как Олег, еще поискать. Но он – художник. А суть хорошего художника – стремление к правде. Это для него более важно, чем его приоритеты в политике.

М. К.: К тому же, если человек верит в какую-то идею, соответственно он верит, что любая критика только на пользу дела. Поэтому и приглашает Собчака и ничего не боится... Видимо, он фанатично верит, что если они с Собчаком «в одной лодке»...

К. Ш.: Я всегда с ним спорил до безумия. Во всем, что касается политики и экономики. Но это никогда не мешало нам вместе работать.

М. К.: Вообще такая правда, как в «Снах» или в «Городе Зеро», такие горькие пилюли русскому человеку, видимо, всегда на пользу. Мы все-таки делаем выводы и мобилизуемся.

К. Ш.: Ну конечно. Потому что у русского человека всегда присутствует момент лени. И надо сказать, сильно присутствует. Русского человека надо время от времени встряхивать.

М. К.: С одной стороны, получается, все-таки была демократия, если тогда ваши «Сны» пропустили в телеэфир. (Значит, власть все-таки допускала такие высказывания на свой счет.) А с другой стороны – расстрел Белого дома. Как это совмещается в одной парадигме? Просто театр абсурда.

К. Ш.: Нам многое кажется «театром абсурда», потому что мы, современники тех или иных событий, не можем понять главного их назначения. Стратегический смысл этих событий от нас часто ускользает.

Взять тот же расстрел Белого дома. В то время, кстати, я был категорическим противником этого решения Ельцина, надо сказать, абсолютно деспотического решения по сути своей. Но сейчас я спрашиваю себя: а что было бы, если бы победил парламент? И отвечаю: да страна бы развалилась! Потому что если бы пришла парламентская республика, для России это стало бы катастрофой. Вспомним то, о чем мы говорили: Россия по своему характеру – империя. Она не может управляться никаким «сообществом». Как только стал бы верховодить некий форум, пленум, сейм, собрание – всё, привет: в скором времени страны бы не стало.

Второй момент: как ни странно, именно то, что Ельцин в результате укрепил вертикаль, создал совершенно уникальные условия для работы президента, превратил его в главенствующую фигуру вертикали власти, помогло потом и Путину. Если бы Ельцин этого не сделал, у Путина не было бы шансов. У него попросту не было бы никаких рычагов, чтобы собрать свою команду, убрать противников и в результате приступить к своему главному делу – укреплению российской государственности. Иначе говоря, к наведению элементарного порядка в стране, обеспечению ее экономического роста, оборонного потенциала и так далее.

Но кто мог предположить в тот момент (то есть в дни роспуска парламента, расстрела Белого дома и ареста главных оппозиционеров), что поворот идет именно таким образом? Тогда все эти события казались абсолютной победой либерального слоя. И абсолютной катастрофой. А народ выглядел этаким Иванушкой-дурачком, который проворонил свое счастье. Но, выходит, народ-то был прав, когда поддержал Ельцина.

М. К.: Не помню, чтобы там была какая-то народная поддержка. Скорей народ махнул на всё рукой. Он просто занят уже был более важными делами – старался выжить, накормить своих детей. Причем совершенно самостоятельно. Наконец поняв, что от родного государства ждать помощи не следует.

К. Ш.: Разумеется, нельзя сказать, что народ поддержал ельцинский натиск на Белый дом, что люди в массовом порядке кричали, как некоторые либералы – «Добивайте этих бешеных собак, Борис Николаевич», но в целом не было и никаких протестных акций в городах. А значит, народ это решение, что называется, «принял». И я понимаю почему: внутренне, подспудно у российского народа есть какое-то особое чувство государственности. Подсознательно он понимает, что должна быть жесткая вертикаль власти. Что без этой вертикали и Россия распадется, как распался Советский Союз. Это очень хорошо чувствуют обычные люди. Именно поэтому они тогда выбрали Ельцина, а не парламент. Хрен, мол, с ним, но пусть будет в стране одна сила.

И как видишь, это привело – совсем не очевидной для многих многоходовкой – к совершенно неожиданному результату. Его не просчитали тогда даже олигархи, Березовские-Гусинские, та самая компрадорская

буржуазия, которая стояла за Ельциным. А ведь они были не лыком шиты. Но им пришлось в итоге уступить свои позиции.

Итак, что же произошло со страной за последние, скажем, 100 лет? То, что произошло в девяностые, строго говоря, по отношению к революции 1917 года нужно считать контрреволюцией. Та революция, действительно, привела к власти класс рабочих и крестьян. Мне всегда было смешно, когда в девяностые говорили (да и сейчас повсюду говорят), что большевики обманули народ. Да ничего они не обманули. Кто в результате пришел к власти? Посмотрите биографии всех наших лидеров. Они все были из рабочих и крестьян. К власти, действительно, пришел класс рабочих и крестьян. Лучшие их представители получили высшее образование, управленческий опыт, встали у руля и сумели провести модернизацию промышленности. Потом победили в войне, восстановили страну. Но в итоге была создана такая мощная и разветвленная государственная инфраструктура, которой уже руководить таким образом, как руководили рабочие и крестьяне, нельзя было. Необходим был переход к другим взаимоотношениям. А именно – к рыночным. А рыночные отношения предполагают появления буржуазии.

В результате произошла буржуазная контрреволюция. Первой пришла к власти компрадорская буржуазия (и слава богу, что удалось избежать ярко выраженной гражданской войны). Итак, произошло главное – смена собственности. Думаю, в первые «контрреволюционные годы» никакая другая буржуазия, кроме компрадорской, к власти не могла прийти. Поскольку никакой другой и не было. Компрадорская буржуазия тоже не с неба упала, она вышла из недр партийной номенклатуры. Только там она могла сформироваться. В Ельцине она нашла лучшего выразителя своих интересов.

Но за 90-е годы созрело то, что я называю национальной (или национально ориентированной) буржуазией. Этот класс собственников уже ставит задачи производства. Вот их-то интересы и представляет Владимир Владимирович Путин. Причем ее интересы преимущественно совпадают с национальными интересами страны народа. Что до компрадорской буржуазии, она совершенно равнодушна к национальным интересам страны. Это – главная ее черта вообще во всех странах. Поскольку чем меньше государственности, тем лучше она живет.

А национальной буржуазии государство жизненно необходимо, для ее собственности. Необходим ей и народ как производственный и потребитель. Она даже напрямую заинтересована в росте его благосостояния.

Как нам реорганизовать управленческий класс

М. К.: Так, может, из этой национальной буржуазии и формировать управленцев? Если уж она на сегодня лучше всех чувствует нужды и потребности народа. По сути, небольшие собственники вообще очень близки к народу. Фермеры, владельцы магазинов, рестораников, риелторских и туристических агентств, небольших швейных фабрик... Но прибавочный продукт, который остается в их руках, к сожалению, совсем невелик, чтобы сформировать свою сильную политическую партию. Вот владельцы торговых сетей и заводов, наверно, смогли бы... Но этим зачем партия? Им вроде бы и так хорошо живется.

К. Ш.: Это не страшно. Лучшее, как говорится, враг хорошего. По логике вещей, действительно именно эти люди должны начинать управлять страной. Параллельно с ведением бизнеса. На Западе же именно так и происходит. Глава семьи распределяет роли – этот сын остается на главном бизнесе, другой берется за его экспансию, а третий сын (или племянник, или назначенный парень, неважно) идет в политику представлять на государственном уровне интересы семьи. И вот – один такой, другой, десятый... – вот уже партия, представляющая интересы класса. А если интерес этого класса совпадает с интересами всего народа – это уже эффективная модель управления.

М. К.: Что же у нас этой модели мешает?

К. Ш.: Дело в том, что у нас даже Путин – порождение советской бюрократии. Он вырос в ней, и сегодня он во многом именно бюрократии, уже своей, при нем воссозданной, доверяет. Он сам создавал ее, чтоб сохранить страну. И правильно: никакой империи без бюрократии и быть не может. Но Путин по сей день преимущественно из нее формирует свой управленческий корпус. Даже губернаторов назначает. Там, конечно, присутствует какая-то часть, которая из бизнеса приходит, но главным образом всё это – назначенцы из номенклатуры.

Вообще, мне кажется, сегодня в верхах популярна идея – создать идеального бюрократа. Их этому обучают. Проводят конкурсы, «Лидеры России» и так далее. Из них назначает губернаторов, чиновников высшего звена, замминистров. Конечно, все они проходят очень серьезный отбор, но кто их отбирает, по каким критериям? – вот ведь в чем дело. Чьи интересы в итоге они будут отслеживать? С точки зрения какого класса эти люди пригодны к управлению экономикой?

Конечно, очень заманчиво создать «идеального бюрократа», который будет управлять этой империей. Но так в жизни не бывает. Советский опыт – лучшее тому подтверждение. Человек, прежде чем стать управленцем, в СССР должен был пройти суровую школу – научиться управлять людьми и производством на всех ступеньках производственной карьерной лестницы. И только потом принимать высшие должности. Потому что в СССР считалось, что производство и номенклатура должны быть связаны максимально тесно. Средний советский чиновник был, как правило, и производственником. По крайней мере, очень хорошо разбирался в хозяйствовании, вплоть до нюансов. Ведь он сначала – после профильного вуза или техникума – был мастером в цеху. Если в сельском хозяйстве – то председателем небольшого колхоза. И так дальше рос и, если обладал необходимыми способностями, достигал до больших должностей и в партии, и в областной администрации. Следующими этапами были краевая администрация, республиканская, союзная. Эта система, созданная еще Сталиным, была очень эффективна. Во-первых, она позволяла на деле узнать реальные способности человека, а не делать выводы на основании каких-то придуманных «тестов» и компьютерных программ. И выбрать действительно лучших. Во-вторых, к управлению приходили уже люди с реальным опытом хозяйствования. Заменить который не может ничто. Никакое «тестирование».

Эта система и держала государство столько десятилетий и обеспечивала все достижения СССР, о которых мы уже говорили. К сожалению, отсутствие материального стимула и вообще отсутствие модели, которая годилась бы для дальнейшего развития СССР на новом уровне экономических и производственных отношений, привели к обруше-

нию советского государства. Но это не значит, что там не было полезных вещей, к которым и сегодня нам надо бы присмотреться. Просто эти полезные вещи, такие как вот эти социальные лифты в кадровой политике, лежали на одной чаше весов, а на другой чаше весов лежала общая, отжившая свой век система, которая без Сталина уже не работала.

Сегодня всё наоборот. Общая система вроде бы работает, с какими-то оговорками. Но ее страшно тормозят и приводят к опасной разбалансировке неполадки отдельных частей. Причем как наверху, так и внизу.

Поэтому вопрос твой абсолютно правомочен. Исторически вообще сложилось так, что представители того класса, интересы которого выражает государство, и должны руководить страной. Представители этого класса, как правило, и трансформируют систему этого руководства на каждом этапе, ставят новые задачи, отчетливо обозначают цели. Именно таким образом национально ориентированная буржуазия и создала все страны Запада. Именно она произвела все их богатства, включая колониальные. Хотя к колониальным богатствам больше подойдет слово «освоила».

Этим людям либо их представителям там и доверялось руководство государством. По идее, именно так и у нас должно быть. Но у нас пока в этом вопросе – как говорил один киногерой – «маленький раскардаш».

М. К.: Не хочу взглянуть, но... Всё практически как в николаевской России накануне революции. Тогда, если не ошибаюсь, во властных структурах национальная буржуазия тоже была очень слабо представлена. Все столоначальники какие-то, номенклатура. Вот эта национальная буржуазия не очень-то и кинулась царя защищать.

А компрадорской тогда тоже было, по-моему, хоть отбавляй. Лес, уголь гнали в Европу. Нефтяники уже тоже были. И ведь все больше представители иностранного капитала. Кстати, национальной буржуазии без соответствующей политической организации, по-моему, всегда очень трудно тягаться с компрадорами. У тех ведь и финансов куда больше. Всегда у человека, который выкачивает недра, больше денег, чем у того, кто производит что-то.

К. Ш.: Не думаю, что сейчас владельцы Роснефти или Газпрома, например, надо причислять к компрадорской буржуазии. Там стоят уже другие задачи. Компрадорская буржуазия – это которая, как Ходорковский, просто всё сливала. Фактически она просто хотела распродать всю систему. Поэтому и геологоразведкой не занималась.

Да, у национальной буржуазии в России есть свои существенные минусы. Это не та буржуазия, которая выстраивала Великобританию в XVII и XVIII веках, Францию в XVIII и XIX. Та буржуазия, конечно, была, не в пример нашей, смелая, дерзкая. Она завоевывала Индию, Африку, Америку...

Такое ощущение, что российская национальная буржуазия еще не вполне созрела. Та, которая у нас имеется сегодня. Она ведь тоже во многом из номенклатуры вышла. А к власти должна прийти та буржуазия, которая «сделала себя сама». Это все-таки должны быть не те люди, которые сумели в начале 90-х оказаться «в нужное время в нужном месте» и воспользоваться государственной советской собственностью. А совсем другие – те, которые выросли с нуля за эти 30 лет. Вот у них совершенно другая психология – психология бойцов, настоящих предпринимателей, очень быстро и системно мыслящих

и действующих. Кстати, среди них много бывших бандитов. Я знаю таких. В 90-е они, как говорится, «неизвестно чем занимались», может, и стреляли налево-направо. А сейчас смотришь, у него одно предприятие, второе, третье. Он их развивает, расширяется. И они, конечно, гораздо более смелые, дерзкие, чем те, что оказались «около кормушки», как в народе говорят, и в одночасье «хапнули» первоначальный капитал.

М. К.: Кстати, к таким в народе и соответствующее отношение (намного хуже, чем к бывшим бандитам), и никогда оно не будет хорошим. А их позиция всегда будет антигосударственной и антинародной, поскольку психологически они всегда будут искать оправдание своим действиям в начале 90-х. Может быть, только их внуки уже не будут испытывать соответствующих комплексов, поскольку их вскормят на легендах, что дедушка, мол, «заработал сам». Но обязательно найдется кто-то, кто напомним, как всё было на самом деле. В народе эта память так легко не исчезает.

А что касается тех, кто действительно сам заработал в 90-е, то я тоже знаю таких. И они не обязательно стреляли. Многие из тех, кто сразу начали «челночить», очень хорошо поднялись. Это в полной мере были «работяги бизнеса», не спали, не ели, носились как угорелые, но сколотили капитал. И те из них, которые правильно его применили, кого не накрыли дефолты и прочие неприятности их рискованного, в общем, дела, те чувствуют себя сегодня довольно неплохо. Это тоже часть «национальной буржуазии», как вы говорите.

К. Ш.: Это так. Тем не менее большая часть нынешней национальной буржуазии, особенно те, кого мы называем представителями крупного капитала, вышли из номенклатуры. И Путин из номенклатуры пришел. То есть номенклатура тогда разделилась. Какая-то часть хватанула ресурсы и превратилась в компрадорскую буржуазию. А какой-то части не хватило ресурсов, но они все равно получили какую-то часть собственности и на этой базе начали выстраивать свои дела. Во всяком случае, у них возникли интересы, близкие к национальным интересам народа.

Замечу, впрочем, что это деление буржуазий на компрадорскую и национальную не обязательно от изначальной формы собственности зависит. Это зависит прежде всего от самих людей, от их побуждений. Можно получить завод и начать в него вкладываться, модернизировать, расширять производство. Это психология национальной буржуазии. А можно быстро распродать станки и превратить его в склад для иностранной продукции – так поступает буржуазия компрадорская, выражающая западные интересы, а не наши.

Но даже национально ориентированная буржуазия у нас, поскольку в большинстве это выходцы из номенклатуры, не особо смелая и предприимчивая. Ведь советская номенклатура на излете СССР по своему качеству невысокая была. Это уже не сталинские кадры. Это были очень осторожные, воспитанные в брежневской системе люди. Поэтому они такие и несмелые. И Путин изначально был их человек. Сейчас-то он, конечно, понимает, что на них опереться нельзя. Вот и пытается свою, более эффективную, бюрократию создать.

Но бюрократия, на мой взгляд, для развития страны – пустое дело. Совсем другие люди должны повести страну. Власть должна принадлежать той, новой буржуазии, которая «сама себя сделала», полной воли, темперамента, энергии.

«Пусть сильнее грянет буря...»

М. К.: То есть должна произойти уже настоящая буржуазная революция?

К. Ш.: Вполне возможно, что и произойдет. В этом смысле, мне кажется, мы очень близки к повторению истории Франции.

М. К.: Во Франции сделала революцию именно эта буржуазия, самая бедная и самая напористая. Именно за ней народ пошел, поэтому и революция свершилась.

К. Ш.: Революций у них было много. Я в данном случае имею в виду самую первую – Великую Французскую революцию 1789 года. Именно тогда принципиально был изменен строй. Но дальше у них был 1830 год, 1848 год, Наполеон III пришел к власти, потом коммуна, 1870 год. То есть Франции потребовалось около 100 лет, чтобы «устаканиться». Я, впрочем, считаю, что те четыре события, которые они называют революциями, на самом деле революциями не являются, они не меняли уже строя, а просто корректировали политическую систему. Это были некие реформы, которые пришлось завоевывать с оружием в руках. Они не меняли ни собственность, ни структуру общества, но неизбежно потребовались, прежде чем выстроилась Французская республика в том виде, в котором она сейчас существует. Поэтому то, что ты сказал, еще вполне может у нас произойти.

Формы собственности уже не поменяются, а вот политический класс к управлению может прийти другой. Это даже неминуемо произойдет, если интересы новой, молодой буржуазии не будут учитываться. А сейчас они не очень учитываются. Например, повышение НДС на 2%. Это направлено против них. Их интересы сегодня ущемляются и другими способами. Тем не менее вскоре они почувствуют себя достаточной силой, а главное, у них могут появиться лидеры. К сожалению, у них пока нет лидера, нет партии своей. Но всё это может появиться. Тогда они выйдут на политическую арену и, как знать, могут и взять власть в стране.

М. К.: Если еще догадаются использовать народное недовольство в своих целях, как французские буржуа. Я имею в виду недовольство аморфностью нынешней номенклатуры, среди которой по сей день немало либералов, да и компрадорских представителей. Ведь, по мнению среднестатистического россиянина, либерал и предатель – вообще синонимы. Так ли это? Или это так только в России? По какой причине?

Ненастоящие либералы, или Дефицит идей

К. Ш.: В самой идее либерализма, на мой взгляд, много полезно, но она – начиная с девяностых – абсолютно дискредитирована нашими либералами. Да и они у нас, по сути своей, не либералы, они – западники.

Ведь что такое, собственно, либерализм? Это конкретная экономическая модель, между прочим, а не просто «свобода мнений» и тому подобное, как многие наши либералы преподносят свое дело. Эта модель, надо сказать, разработана в Соединенных Штатах, где и получила успешное развитие. Ее смысл, собственно, в том, что каждый член общества должен иметь все права и возможности достигать того,

чего он только может достичь, и в этом – залог процветания всего общества. Там либерализм – прежде всего экономическая свобода. Я не считаю, что нам нужен тот либерализм, который в США, но выборочно некоторые либеральные концепции и механизмы, конечно, должны здесь прижиться, раз уж мы строим рыночную экономику.

Но дело все в том, что в Америке американские либеральные идеи работают на них самих (и в полном согласии с этими идеями они, мягко говоря, не пылают любовью к России). А наши либералы буквально в каждый момент, когда Запад и Россия вступают в противоречие, становятся на сторону Запада. Просто они – западники, провозгласившие себя либералами, которые за первую же «пятилетку» своей деятельности (да и за все последующие «пятилетки») полностью дискредитировали либеральную идею. Это, на мой взгляд, даже обидно. Ведь многие идеи либерализма были бы полезны для нашего общества.

Но сегодня, даже в области экономики, идеи наших либералов – скажем так – несколько странны для известной концепции либерализма. То они выступают как социалисты, заговорят вдруг о бедности, о ЖКХ... Все что угодно, только бы критикнуть действующую власть. А это верная примета прозападной партии – такая и в Китае, между прочим, есть. (Там в этом контексте Син Цзиньпин во власти – наглядный триумф антизападников.)

А по своей натуре они связаны, как и прежде, с компрадорской буржуазией. Ельцин – их кумир, и это не случайно. В принципе, идея их понятна. Они хотят вернуть страну в 90-е годы. И поэтому в любом вопросе занимают позицию антироссийскую. Это и губит их. Потому что народ это видит.

В большинстве своем они сейчас живут за счет того, что им подбрасывает Запад. Хотя, я думаю, если наконец возникнет партия новой национальной буржуазии (о чем мы сейчас говорили), мне думается, эта партия хотя и будет социал-демократической, но с сильными моментами либерализма. Потому что все равно это будет партия рыночников. Они, конечно, не будут сторонниками восстановления госплана в полном объеме. Хотя они будут сторонниками более справедливого распределения государством бюджетных средств.

М. К.: Ну, конечно, им же нужен будет состоятельный потребитель. Который не раз в год сможет потреблять их продукцию.

К. Ш.: Разумеется, они будут заинтересованы, чтобы у населения были деньги. Так что в их программах «социальный момент» обязательно будет присутствовать. Но у них непременно должен быть и очень сильный либеральный компонент. Но он будет не прозападный, а чисто экономический. Тогда у нас возникнут либералы настоящие. Которых теперь нет вообще. И «это не есть хорошо».

М. К.: Сегодня, пожалуй, более интересен не спор между нашими патриотами и либералами-западниками (то есть псевдолибералами). Этот спор для большинства наших сограждан уже решен. Сегодня интереснее полемика внутри патриотического лагеря. Именно она сегодня определяет – куда и как идти стране. Там тоже есть свои правые и левые. Консерваторы и революционеры. Представители военно-промышленного комплекса. Добывающих отраслей. Среднего и малого бизнеса. Выразители интересов селян, производителей, научной интеллигенции. Всевозможных регионов. Как вам представляется, кто из них ближе к тому, чтобы стать новыми народными лидерами? Скажем, параллельно с новой национальной буржуазией.

К. Ш.: Очень сложно угадать – откуда появятся новые лидеры. Вот вроде бы уже долгое время занимает лидирующие позиции (конечно, после президентской партии) КПРФ. Но какова ее платформа? Вроде бы это патриотическая партия. А вроде бы она и признает рынок. Но нынешние коммунисты – в отличие от ленинских и сталинских – совершенно, на мой взгляд, не занимаются теорией. В итоге никто не знает, что они предлагают. Какую экономическую модель? Поэтому от них начинают шарахаться. И они с каждым годом, с каждым новым витком выборов, теряют очки.

Вот, например, их кандидат Грудинин: «Давай национализировать все». То есть все отбирать?! При этом он сам – бизнесмен. Ну полный кавардак.

Я считаю, в свое время, в середине 90-х, они могли что-то сделать, они были сильным противовесом Ельцину, но они упустили свой шанс. А вот что они в 1993 году не поддержали парламент, это они сделали правильно. Зюганова тогда обвиняли в предательстве, а мне кажется, он поступил очень разумно. Если бы они поддержали Руцкого и парламент победил, могла начаться гражданская война.

Но сегодня у них нету никакой идеи. Как, впрочем, и у других партий. И это проблемы страны. Потому что уже нужно думать, что будет после Путина. Этот дефицит идей и целей может вылиться в большие неприятности.

М. К.: Вот вы когда-то говорили, что социализм рано или поздно победит. И в нашей стране, и в «мировом масштабе». Иначе мы просто не справимся с проблемами, стоящими перед населением планеты...

Пророчество Оруэлла, или «Социализм победит, но это будет невесело»

К. Ш.: Когда я говорю, что социализм победит, я вовсе не имею в виду, что от этого жизнь станет веселее. Она может стать и тяжелее. Я имею в виду, что социализм победит в том смысле, что рано или поздно возникнет такое устройство, при котором общество будет принимать гораздо большее участие в управлении государством, чем при капитализме. Я исхожу из того, что ресурсов на Земле будет все меньше, а население Земли – все больше. То есть человечество все чаще будет сталкиваться с проблемами, которые с помощью либеральной экономической модели, у которой, безусловно, есть свои достижения, просто не сможет решить.

Уже невозможно доверять атомную энергетику частным компаниям. Можно перечислить еще массу проблем, которые должны быть под жестким контролем общества. И это предполагает более тоталитарную систему управления, между прочим. Это не будет раем на земле. Но человечество уже идет в том направлении, и возвращение социалистической модели на каком-то витке развития общества неизбежно. Люди выберут эту модель даже не потому, что она более справедлива, прогрессивна или комфортна. А потому что этот выбор станет уже насущной необходимостью.

Это, строго говоря, уже становится вопросом производственных отношений. Современные технологии вовлекают в дело своего управления все более широкие слои общества. А участие общества всегда шире каких-то рамочных бюрократических функций. И это естественный процесс.

Но главная моя мысль в том, что только социалистическое планирование сумеет защитить общество от катастрофических последствий его же деятельности. Такое планирование и контроль за исполнением решений невозможно предоставить частнику. Они просто не сможет решать вопросы планетарного масштаба. Это невозможно. В этом требуют участие всего общества.

Это я и называю социализмом. Социализм есть не что иное, как большое присутствие общества в управленческих процессах. А как это можно сделать? Только через государство. И, как ни странно, это во многом будет возвращением к советской системе.

М. К.: Пожалуй, здесь мне есть что возразить. В течение нашей жизни (да и на протяжении мировой истории) мы не раз наблюдаем, что те или иные острые проблемы так и остаются нерешенными. Или же эти проблемы, скажем так, могут решаться и несколько иначе. Например, крупный собственник видит, что на определенной территории несколько миллионов или миллиардов людей, со страшным количеством своих проблем, для него просто лишние. Для него лишние эти люди и их проблемы. Ему куда проще их просто убрать.

К. Ш.: Я-то как раз исхожу из того, что даже самым крупным собственникам нельзя позволить это сделать. То, о чем ты говоришь, — как раз одна из возможных опасностей для человечества, предоставленного хаотическому, либеральному существованию. Конечно, у каждого собственника во главе угла собственные интересы. И еще Маркс цитировал Томаса Даннинга, что капитал при возможности 100 процентов прибыли «попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». Но именно поэтому и неизбежно социалистическое государство. Иначе капитал так может разгуляться, что живого места на планете не останется.

Поэтому я и говорю, что социализм победит не потому, что людям так желанна «всемирная справедливость», «рай земной», а потому, что социалистический общественный контроль — это просто насущная потребность человечества. Разумеется, если оценивать его движение в планетарном масштабе.

Как ни странно, в этом движении мы снова можем прийти к основам марксизма. Производительные силы определяют производственные отношения — этого никто не отменял. Причем Маркс говорил о социализме, когда капитализм еще совершенно не изжил себя. Но Маркс это увидел, почувствовал. А вот сегодня похоже на то, что его теория действительно начнет сбываться. Неслучайно даже в таком оплоте капитализма, как Соединенные Штаты, вдруг появляются мощные социалистические силы, тот же Сандерс. Этого раньше вообще нельзя было себе представить.

Мы видим, как созревает некое «новое сознание» внутри общества. Общество все лучше начинает понимать, что многие его проблемы просто невозможно решить на уровне тех отношений, которые сложились на сегодня, когда собственность полностью контролируется частными лицами.

Конечно, кафе, рестораны, сфера обслуживания, легкая промышленность, фермерство... — все это наверняка и в новом социалистическом обществе останется в частных руках. Но становящиеся все более сложными технологические системы, на мой взгляд, таят в себе очень серьезные угрозы, если ими будут управлять лишь частные интере-

сы. Последствия частного управления могут стать без преувеличения катастрофическими.

Взять тот же интернет. Его, в общем-то, давно надо брать под контроль. Потому что, если этого не сделать, то – такое ощущение, что придет большой шиндец всему на свете. На самом деле, интернет становится все более опасной силой. А контроль над ним имеет право установить только общество. Разумеется, поручив это дело определенным государственным структурам.

Причем я не исключаю, что впоследствии, уже при «социалистическом режиме», вот этот наш кусок жизни при расцвете капитализма будет вспоминаться как гораздо более увлекательный и веселый фрагмент. И он, в свою очередь, будет вызывать ностальгию у многих. Но это уже не будет вызывать никаких вопросов, так как социализм будет признан жизненной необходимостью. Да, общество станет более тоталитарным, но и с этим придется смириться.

Более того, это может стать похоже на создание оруэлловского мира. Когда-то, когда Оруэлл писал, мы все решили, что он описывает сталинскую Россию. А он ведь не сталинскую Россию описывал, а общемировые тенденции. То, к чему придет всё человечество через энное количество лет. А к сталинской России, на мой взгляд, его творчество имело очень мало отношения даже в то время. Разумеется, диссиденты начали толковать произведения Оруэлла по-своему.

Так что, оруэлловский мир комфорта, хорош? Нет, нехорош. Но он вполне может стать нашим будущим. И это будет все же лучше, чем полное уничтожение. Люди будут выбирать не между адом и раем, а между тем, чтобы хоть как-то жить, и тем, чтобы вообще не жить.

Сегодня на земном шаре проживает 8 миллиардов человек, которых необходимо кормить-поить, одевать, обеспечивать жилищем, медициной, образованием и так далее, оберегать от эпидемий, природных катастроф, промышленных отходов. От разрушительных идей... Убирать за этими миллиардами горы мусора. Обеспечивать питьевой водой, ресурсы которой уменьшаются с каждым годом. Все эти проблемы непременно вынудят людей прийти к более управляемому миру, который, собственно, и называется социализм. Я не воспринимаю социализм как некий райский сад. Кстати, Маркс его так не воспринимал. Только потом, кажется, только после Октября 1917 года, советские художники-фантасты стали рисовать какой-то идеальный мир – коммунизм.

По мне, так лучше рабовладельческое общество (конечно, при условии, что ты – рабовладелец). Если ты по эту сторону, то рабовладение – вообще лучшее устройство мира. Это я к тому, что, когда мы говорим о той или иной общественной системе, мы всегда даже невольно сразу расставляем акценты – для кого она хороша, а для кого – оставляет желать лучшего. Но любая система естественна и неизбежна для того периода времени, в который она существует.

Да, очередной виток социализма не станет раем, скорее всего. Там тоже всем не будет хорошо. Скорее всего, многим будет даже плохо, некомфортно, но хотя бы выживете.

Иногда я думаю, что первые ласточки оруэлловского мира уже всюду летают вокруг нас. Мы уже все под контролем. Даже то, что на всех дорогах – камеры. (Только у меня на «Мосфильме» чуть ли не 500 камер.)

М. К.: А мобильники, по которым в любой момент времени можно запросто вычислить, где ты находишься? А банковские карты? А компьютерная сеть?

К. Ш.: Это уже практически полный контроль. Хотя пока чаще негласный. И это уже стало массовым явлением во всем мире. Ты уже не можешь никуда пойти так, чтоб тебя не видно было. За тобой все время кто-то наблюдает. Ты не можешь ничего сказать так, чтобы это гарантированно было слышно только тому, до кого ты хочешь это донести. Ты не можешь принять какое-то решение или просто заинтересоваться чем-то, чтобы об этом не узнала сеть.

Это как-то само собой пришло, и об этом как-то никто не задумывается. Никто не задумывается о том, что это и есть Оруэлл – тот самый мир, в котором за тобой все время кто-то наблюдает.

В сознании людей опасность для них обычно олицетворяет какой-то злодей. Вот он придет – и всё, беги куда глаза глядят... А бежать-то уже некуда. Поскольку эта «опасность», в виде тотального контроля, практически слежки (плюс анализ твоих действий), входит в твою жизнь очень незаметно. Вроде ничего и не случилось, а мы все уже под колпаком. А что будет через 5, 10 лет, когда техника еще разовьется?.. И так уже дроны повсюду летают, а в интернет-сеть зайдешь, так она уже заранее знает, что тебя интересуешь, и сама предлагает на выбор...

Общество потребления и культура

М. К.: Современное общество потребления приземлено предельно.

Ему присуще общее стремление к высокому материальному статусу. Причем доступно оно, в действительности, очень немногим. Но при этом практически все охвачены желанием урвать куш, заработать по-крупному. Иначе просто пропадешь.

Карен, считаете ли вы как художник, то есть как выразитель определенных нравственных идей в искусстве, что подобное положение вещей напрямую вредит нашей природе? «Душе», как говорят верующие? Соответственно и традиционной нравственности и вообще атмосфере в стране?

В этом плане советское бытование как-то больше располагало к духовному развитию личности. Способно ли искусство как-то противостоять довольно агрессивным ценностям общества потребления? И может ли в этом отношении что-то предпринять государство?

К. Ш.: Общество потребления – это результат развития капитализма. С этим ничего не поделаешь. Ведь это его главный стержень. Да, в обществе потребления, я согласен, умирают либо едва теплятся многие ценности, которые характерны для более архаической общественной структуры. Но, к сожалению, ничего с этим поделать нельзя. Таков сегодняшний этап.

Хотя, я надеюсь, это именно этап в истории человечества. Какой-то один из. Именно поэтому мне не думается, что это возможно преодолеть какими-то целенаправленными мерами в ближайшее время.

Строго говоря, если ты выбрал рыночные взаимоотношения, то как ты можешь воспротивиться тому факту, что они будут непременно сопровождаться развитием общества потребления? Самое гениальное искусство, на мой взгляд, ничего здесь поменять не сможет. Поскольку в этом обществе искусство само становится товаром.

М. К.: Искусство всегда было товаром.

К. Ш.: Нет, не всегда.

М. К.: Вы же сами говорили: и во времена Леонардо да Винчи художники что делали? Выполняли заказы.

К. Ш.: Но чьи они выполняли заказы? Аристократии! Либо высших иерархов церкви, связанной с этой аристократией кровно. Эти заказчики были образованнейшими людьми своего времени, с интеллектом, вкусом. С наличием большого досуга, чтобы эти черты развивать. У них были и группы личных экспертов. Была и возможность вложения личных средств, чтобы обеспечить художникам возможность скрупулезной и неторопливой работы. При этом каждый из них – и заказчик, и исполнитель – были кровно заинтересованы в появлении шедевра. А не в его тиражировании. Поэтому искусство этих веков и стало классикой, принеся в мировую сокровищницу столько шедевров. Это не было ориентировано на массового потребителя, как сейчас. Строго говоря, то общество еще не было обществом потребления в отношении искусства.

Многие заказы финансировали короли, императоры, кардиналы, папы римские. Поэтому художник не стремился угодить толпе. В этом смысле художник был в большей степени свободен, чем сегодня.

А сейчас любое художественное произведение превращается в товар. Который продается лучше или хуже. Тогда, в эпоху Возрождения, и даже позже, искусство еще не было товаром. Потому что его никуда не продавали. Да, его заказывали, но это совсем не означает, что его создавали, держа в голове какие-то продажи. Его не тиражировали, ориентируясь на широкого потребителя.

М. К.: Сегодня без этой ориентировки не издаются книги, не выпускаются фильмы. Не испаряется ли из жизни, таким образом, само искусство?

К. Ш.: Испаряется, конечно. А его и нету. Поэтому и культуры нет. На этом этапе развития искусство не нужно. Чем меньше креатива, творческих дерзаний, непредсказуемости (то есть чем меньше искусства), тем лучше и предсказуемее продажи этих произведений. Будь то фильмы, книги, музыка, картины... Это уже не искусство, а «интеллектуальная собственность». Именно она – товар сегодня. Она и производится как товар. Поэтому в ней исчезает уникальность.

М. К.: Но лично я не хочу смотреть такое искусство. Я что, один такой?

К. Ш.: Ну, есть вас таких еще сто человек, ну, может быть, сто тысяч. Но в обществе потребления вы погоду не делаете. Вот вы говорите: «Мы не хотим эти дурацкие сериалы смотреть». Ну дурацкие и вправду сериалы. Но народ смотрит. И с этим ничего не поделаешь.

М. К.: Почему не поделаешь? Было бы желание. Ведь, если поставить такую задачу, можно повысить образовательный уровень народа.

К. Ш.: Это чистой воды идеализм. Где взять это желание у тех, в чьих руках сегодня средства к их осуществлению? Они же не появятся на пустом месте. Ну выступите вы на каком-нибудь крутом мероприятии, сами соберете пресс-конференцию, разошлете письма. С вами согласятся. Причем согласятся полностью и искренне. Если повезет, даже выделят на это благое дело средства. (Если оформить его в виде проекта.) И что дальше? А дальше все по-прежнему останется.

М. К.: Потому что этап?

К. Ш.: Потому что этап.

Немного о торговле органами, или Самый непримиримый конфликт современного мира (противоречие капитализма и традиции)

М. К.: Это сейчас вы так спокойно говорите, но какой был пафос, когда вы не так давно говорили на ток-шоу об отношении «общества потребления» (читай, капитализма) к нравственным ценностям. Я приведу сейчас эти слова:

Западные страны находятся сегодня, на мой взгляд, на высшей стадии капиталистического развития. По крайней мере, она объективно выше, чем где-либо в мире. Но эта стадия капиталистического развития по своему существу сегодня требует отмены моральных ценностей.

Почему это происходит? Потому что, как известно, капитализм – это прежде всего товар и рынки, которые необходимы для распространения этого товара. Так вот, рынки сегодняшних наиболее ценных товаров (и те, которые только зреют, и те, которые уже вполне сформированы) несовместимы с теми моральными ценностями, которые несут традиционные религии. А именно традиционные религии – православие, ислам, индуизм, буддизм – являются хранителями моральных ценностей. Поясню на простых примерах.

Вот, скажем, рынок человеческих органов. Он, по сути, уже есть, но нужно сделать так, чтобы они продавались в супермаркетах. Чтобы любому потребителю там можно было чью-то печень купить или чье-то сердце. Но – вот незадача! – это пока не совпадает с нравственными ценностями. А тем более с ценностями религиозными (которые, как мы говорили, и легли в основу нравственных ценностей человечества).

Торговля детьми уже идет по всему миру. Вспомните, что у нас совсем недавно происходило. Слава богу, сейчас это несколько остановили.

Далее. Наркотики, педофилия, проституция (иногда замаскированная под эскорт-услуги), а теперь мир подошел к еще одной опасной черте – это клонирование. Выращивание детей в пробирках. Как это совместимо с исламом? Как это совместимо с православием?

С западным христианством это уже совместимо, они практически его победили, поскольку добились того, что гомосексуальные браки могут быть освящены католической церковью. Более того – гомосексуалисты уже имеют право быть священниками... Я не против того, чтобы люди занимались чем угодно в своей постели, но существуют определенные моральные ценности, которые нам принесла религия. И когда человек начинает открыто пропагандировать свои антиценности, традиционная нравственность, на мой взгляд, не просто не должна заявить свою позицию и с этими антиценностями не согласиться, но в самой природе этой традиционной нравственности – встать на их пути. Не позволить этой пропаганде распространиться на весь свет.

«Вечер с Владимиром Соловьевым», 05.04.18.

Каким образом тогда это отдельный отрезок развития? В силу чего он закончится?

К. Ш.: Этого никто не знает. Может быть, он закончится в силу всеобщей катастрофы, ядерной войны. Может и так быть. Полная деградация нравственных и моральных ценностей может и привести к подобной катастрофе. Это вполне логично. Потому что никакой морали капитализм не приемлет на сегодняшнем этапе. Когда-то, еще в XX веке, у западных капиталистов были нравы вполне пуританские.

Но капитализм, как любая социальная формация, не стоит на месте. На нынешнем этапе развития, на мой взгляд, ему никакая мораль и нравственность не нужны. А соответственно, он становится все более антихристианским. Ему и ислам не нужен, ничего ему не нужно.

Собственно, в этом суть самого острого, самого непримиримого конфликта в современном мире. И этот конфликт гораздо опасней, чем просто конфликт цивилизаций. Причем мы наблюдаем этот конфликт в наиболее развитых сообществах, которые в избытке располагают медиаинструментами, чтобы свои рыночные антиценности пропагандировать.

Вчера я смотрел телевизионную передачу, где человек сказал интересную вещь: «А вы знаете, что такое сегодня французская нация? Как нации ее нет. А это ценности, которые разделяют люди. Это не история, это не религия – это ценности...»

Но, простите, что значит «ценности»? Мы знаем, что в Германии до прихода к власти Гитлера одна половина населения, грубо говоря, была нацистами, а другая – коммунистами. Даже в рамках одной нации могут иметь место различные ценности. Тем не менее сегодня мы видим, как Европа все время объединяет всех именно по принципу «ценностей». Не по принципу культурной общности или исторической преемственности, не по принципу базовых моральных устоев, которые свойственны той или иной религии, а по принципу неких абстрактных «ценностей».

По-моему, это и есть причина, по которой сегодня православие и ислам мешают развитому капитализму.

Новые «прорабы перестройки»

М. К.: Насколько помню, ваша мысль о том, что Трамп – «лидер перестройки» в американской империи, основана на допущении, что имперские амбиции США плохо совмещаются с заботой о благе рядовых американцев. О национальном производстве. Но Трамп – первый настоящий бизнесмен во главе США. Как знать, может быть, у него и получится «пересобрать» имперскую структуру США, и американский флаг еще долго будет реять над всеми морями?

Трамп демонстрирует, порой парадоксально, победы на всех фронтах. Казалось бы, какое-то чудачество... А потом смотришь – он выиграл. Вот он добивается своего в Корее. Не забывает обложить Россию новыми санкциями. Заставить раскошелиться Европу на НАТО. И при этом ощутимо повышает доход собственных граждан.

К. Ш.: Начнем с твоей первой выкладки – о том, что Трамп «лидер перестройки», только умелый, удачливый лидер. Наши-то лидеры перестройки, как мы помним, только метались, не зная, что делать. Но если их действия сравнить с действиями Трампа, мы увидим, что они удивительно схожи. Цель Трампа вроде бы понятна: вернуть величие Америки. То есть, по закону обратной связи, получается: Трамп понимает, что этого величия уже и в помине нет. Может быть, он делал некие расчеты, оперировал цифрами, а может, просто наблюдая карту мира, видит, что звезда Америки закатывается. Может быть, он это чувствует интуитивно...

То же самое видели и чувствовали и лидеры нашей перестройки. Но как вернуть былую устойчивость и авторитет СССР, они не имели

понятия. То же и Трамп. Как вернуть величие Америки, на мой взгляд, он не знает. У него нет никакого плана. Никакой программы. И поэтому всё, что он делает, только усугубляет положение.

Я не знаю, с чего ты взял, что у него какие-то победы. Какие у него вообще достижения? Да никаких. Что он добился в Корее? Она не уничтожила ядерное оружие. И не собирается, это очевидно. В результате его ультиматумов и переговоров Америка тоже перестала, как и Корея, проводить учения. То есть, по идее, в этом споре выиграл Ким Чен Ын. Одним из основных требований Кима было: «Перестаньте нас пугать своими учениями». Америка с тех пор и не проводит учения.

Да, Ким Чен Ын тоже не проводит испытания своих ракет. В каком-то плане это даже хорошо для бюджета его небольшой страны. Так чего добился Трамп? Его основная цель состояла в том, чтобы принудить Корею уничтожить свое ядерное оружие. Но Корея его не уничтожила. Я не вижу, чтобы они даже собирались. Ким Чен Ын не такой дурак, чтобы взять и главный свой щит уничтожить. Значит, это он добился выгоды. А Трамп ничего не добился, кроме шоу и того, что в СМИ поговорили об этом.

Далее. Трамп практически одновременно начал торговую войну с Китаем, Россией и Турцией. Заметим, что Турция является для них важным союзником. Это южный фланг НАТО. Там база Инджирлик, обеспечивающая влияние американцев в этом регионе. Если турки заставят их убрать эту базу, это катастрофа для их военных амбиций.

Но, может быть, он добился каких-то других важных вещей в результате? Нет, он не добился ничего! В результате только создал ситуацию, которая объективно работает против Америки. Это при всех своих амбициозных заявлениях. Он шоумен.

Вот это и называется «перестройкой» в плохом смысле слова. «Перестройка», как мы помним, совсем не означает, что имеется какая-то программа, план. Это просто означает, что у руководства страны и у ее народа имеется понимание, что необходимы изменения. Но поскольку плана нет, ситуация от действий «прорабов перестройки» только обостряется.

И я понимаю, почему против него вся элита американская. Был бы я американцем, тоже был бы против. Вся элита говорит ему: «Ну что вы делаете? Зачем вы один из основополагающих принципов внешней политики США нарушаете?» Это принцип звучит так: не объединяй двух врагов. Для них теперь это Россия и Китай.

В свое время, когда они боролись против СССР, одна из их стратегий состояла в том, чтобы поднять Китай. И противопоставить его СССР. Им это тогда удалось.

Но сейчас Трамп все сделал для того, чтобы у Китая и России не осталось выбора, чтобы не прийти к военно-политическому и экономическому тесному союзу. Это притом что наша прозападная элита не очень-то рвется к Китаю. И Китай не очень-то к нам рвался. Но и ему, и нам просто деваться некуда, как будто специально Трамп нас толкает «в объятия друг друга». Куда деваться, если тебе говорят: «У нас вооружений на 700 000 000 000\$, и ты – наш главный враг».

Я, кстати, в свое время задавал Путину вопрос о нашем союзе с Китаем. Он мне тогда уклончиво ответил: «Мы с уважением относимся к Китаю. Но одно из наших правил – не вступать ни в какие военно-политические союзы».

Но жизнь заставит. В том числе и политика Трампа ведет именно к этому.

Поэтому, с точки зрения результата, если вынести за скобки всю его риторiku, все его шоу, чего он добился? Вот он встретился с Путиным, и какой результат? Несмотря на все его обещания и улыбки, результат один – ужесточение санкций.

Что, после этого у Путина, при всем желании, и у российской элиты сохранятся некие надежды на сотрудничество с Западом? Да, у нас пока большая часть национальной элиты – прозападная. И она, конечно, давит на Путина. И у них еще в подкорке брезжит, что как-то всё обойдется, если пойти на уступки. Только после подобных демаршей как может «обойтись»? Какое примирение?

Таким образом, Трамп наносит удар по своим союзникам внутри России. Он этими санкциями и открытыми угрозами бьет прежде всего по нашим западникам. По тем, кого мы называем либералами (на самом деле это западники). Теперь им очень трудно что-то объяснить нам. Их основные тезисы «Не надо так, давайте искать компромисс. Это ж мы сами во всем виноваты» выглядят теперь смехотворно. Я этого наслушался на ток-шоу от Бориса Борисовича Надеждина и других апологетов псевдолиберальной партии... Но теперь им очень трудно. Потому что любой нормальный человек, в стране большинство таких, скажет: как можно с ними договариваться, если они 700 миллиардов объявляют военный бюджет (а на самом деле он еще больше, есть и скрытые статьи бюджета). Если в речах их президента, военных министров и главных политиков Россия всегда упоминается как основной враг. А нам тогда что делать?

Он и монолитное единство Запада, по сути, разрушает (а оно казалось очень монолитным до недавних пор). А «царство, которое разделится внутри себя, не устоит» – еще в Библии сказано. Вот Трамп ультиматум выдвинул Европе: «Вы тоже должны НАТО содержать, тоже вносите свой вклад». И зачем тогда им нужна Америка, если надо самим вкладываться в оборону?

То, что делает сегодня Трамп, на мой взгляд, глупость. Но эта глупость опять же следствие того, что он не знает, что делать. Он не великий лидер. К тому же ему еще надо доказать, что он не агент Кремля. У него нет никакой стратегии. Он выиграл выборы на той интуиции, которая ему подсказала, что его страна в кризисе. Что американский народ в своем большинстве уже не хочет нести эту ношу глобальной империи. Трамп это почувствовал и благодаря тому, что его предвыборная кампания была на этом понимании основана, выиграл выборы. Но как всё то, что он обещал простым американцам, реализовать, он не знает. И своими действиями только хуже делает.

То же самое было и с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Даже странно, до чего похоже. Что, Михаил Сергеевич пришел с мыслью развалить СССР? Только мне об этом не рассказывайте, сыну его помощника. У него не было и быть не могло такой мысли. Он действительно стремился обновить социализм. Поэтому народ с огромным энтузиазмом воспринял его приход и первые годы его «ускорения», «гласности» и «перестройки». Он действительно хотел усилить страну. Говорил (почти теми же словами, что и Трамп), что страна должна развиваться. Что надо думать о простом человеке и прочее. Но он абсолютно не знал, как и что делать. И в итоге делал вещи, которые не только не способствовали реализации его воззваний, а прямо им противоречили и разрушали страну.

Что поделаешь? Я смотрю как режиссер – стараюсь увидеть людей как людей, а не абстрактных каких-то существ. И я хорошо помню, как действовал Горбачев. Накладывая его действия, как кальку, на действия Трампа, я вижу, что это почти то же самое... При этом я должен сказать, что примерно о тех же впечатлениях пишут американские политологи и журналисты-международники в своей прессе. По-английски я читаю и не так давно прочел статью в «Нью-Йорк таймс». Эта газета у них – как «Правда» в советское время. И вот там впрямую написано: «Процессы, которые происходят на Западе, напоминают процессы, которые происходили в 89-м году в Восточной Европе». Они тоже не дураки, они это чувствуют.

Поэтому их элита и не признает Трампа. С другой стороны, она так и сяк его клянет, но она так же не знает, что делать. Что тоже похоже на обстановку в Советском Союзе в конце 80-х – начале 90-х.

Их элита уже не того качества, которой была 20, 30 или 40 лет назад. Она тоже другая, не способная почти ни на что. Что это за объединение – американская элита сегодня? Кто такие эти сенаторы, конгрессмены? Это все дети богатых родителей. Это люди, пришедшие из хай-класса. Но это люди, которые не создавали сами своих состояний. Как и Трамп, кстати. Мы говорим – Трамп бизнесмен. Но у Трампа папа был чуть ли не миллиардер. Это совершенно другой тип людей.

М. К.: При этом Трамп-сын пережил два банкротства.

К. Ш.: Это, кстати, тоже о многом говорит. Это значит, не очень качественный вообще бизнесмен. Все делают акцент на том, что он два раза поднялся. А я выделяю, что он два раза потерпел дефолт. Я бы с таким человеком, наверное, не очень бы работал.

Но я говорю о том, что вообще качество элиты у них теперь другое. Они сидят в этих стенах конгресса по двадцать лет. То же самое, что несменяемые члены нашего ЦК, начиная с брежневских времен. Потом уже их дети стали занимать все ключевые посты. Начали крутить-вертеть страной дети партноменклатуры, к которым я тоже, кстати, принадлежу (это не значит, что среди «детей» не бывает толковых людей). Но, когда это пронизывает всё, тут радоваться нечему.

То же самое в Америке сегодня происходит. Это совсем не те ребята, которые сами завоевали свои состояния. Это не их отцы и деды. Это совсем другой класс. И поэтому они тоже ни хрена не знают, что им делать. Просто нутром чувствуют, что Трамп губит все. Отсюда их желание его убрать. Но это желание не исправляет ситуации.

М. К.: Интересно, как на это смотрят основные кукловоды. То есть люди, которые, как говорится, реально правят миром. Финансовая олигархия, ФРС. Они не видят, что ли, как этот «прораб перестройки» куролесит? А это смехотворное «дело Скрипалей»? Оно вспоминается сейчас просто как яркая иллюстрация профнепригодности множества чиновников, политиков, следователей, в общем, всех людей, которые тем делом занимались.

Или «великих кукловодов» устраивает, что под ними такие вот жертвы ЕГЭ что-то там исполняют?

Дети титанов

К. Ш.: Как ни странно, их это устраивает, я думаю. Но это их ошибка. Вообще ключевым моментом для финансовой олигархии было пре-

зидентство Рузвельта, когда она почувствовала, что необходимо ограничивать президентскую власть в США. Ведь до Рузвельта не было ограничений, по сути. И это неслучайно. Потому что Рузвельт, который выиграл четвертый срок, практически достиг такой силы, которая могла сломать их. И они почувствовали эту опасность. Поэтому они ограничили полномочия и срок президента, внесли соответствующие поправки.

Наши либералы любят говорить, что главное в демократии – это ограничение президентского срока. Да ничего подобного, главное в демократии – это воля народа, а срок не имеет значения. Срок как раз волю народу ограничивает. А у нас тоже есть финансовая олигархия, довольно мощная – и это ограничение президентского срока благоприятствует именно ей. Потому что, если ты выбираешься на два срока, как там Трамп, – к концу второго срока тебя уже ничего не волнует. Тебе главное – на второй срок попасть. А когда ты завоеешь второй срок, надо будет просто как-то досидеть – с таким прицелом, чтобы жизнь потом сложилась. Такой президент не готов принимать никаких по-настоящему революционных решений. Вот что в такой системе главное.

Финансовая олигархия, которая на самом деле контролирует Штаты, – это акционеры ФРС (Федеральной резервной системы). Это несколько семей, которые, собственно, и печатают деньги. В этом вообще фантастическая нелепость американской системы. Там печатают деньги частные лица. Но если ты производишь финансы, минуя вообще все трудности, связанные с получением какого-то продукта, который будет обеспечением этим деньгам, ты полностью владеешь ситуацией. И собственно идея «глобального мира» – это их идея. Финансово они уже сделали мир глобальным. Им надо теперь полностью его единым и управляемым сделать. В этом смысле они станут неформальными властителями мира.

Поэтому им только мешает чей-то суверенитет. Сегодня западные политики отстаивают суверенитет тех или иных малых стран только потому и в той степени, в которой это помогает им бороться с суверенитетом стран больших, таких как Россия или Китай. Особенно Россия, Путин со своей идеей суверенитета, их очень раздражает. Да и американский суверенитет не нужен им. Здесь Трамп в определенной степени вышел на противоречие с ними, отстаивая интересы американских граждан и вообще национальные интересы США как отдельной страны. Но его уже, по сути, укротили.

Почему они не чувствуют, что «под ними» творится? Насколько деградировал их собственный (имеется в виду англосакский) управленческий аппарат? Да потому что они точно такие же люди, и ничто человеческое, так сказать, им не чуждо. Потому что это давно уже не те ребята, которые все это создавали ФРС и так далее.

Я приведу простой пример. Поскольку, как я говорил, всегда исхожу в политических оценках из своего жизненного опыта. Я как-то познакомился с владельцем сети магазинов Marks & Spencer. В свое время эта сеть была знаменита, сейчас их мало стало. Такой британский универмаг, там люди среднего достатка шмотки покупали. Я хорошо его знаю, потому что один из моих продюсеров с этим сегодняшним Марксом дружил.

Так вот, когда-то этот магазин организовали два старьевщика. Один – шотландец Спенсер, другой – еврей Маркс, которые торговали на рынке Ковент-Гардена. Там эти бедные старьевщики и познакомились.

И как-то слово за слово решили заработать вместе. Постепенно организовали эту сеть. Надо сказать, долгое время она была вообще одной из самых могущественных сетей. Потому что она предлагала одежду и обувь хорошего качества, но очень недорого, ориентируясь на человека среднего достатка. Даже ниже среднего. Там мог одеться кто угодно. И Спенсер и Маркс на этом выиграли, очень хорошо поднялись.

Их магазины были по всей Европе, и у нас они были, только сейчас большинство их закрылось. И почти всюду в Европе они позакрывались. Кое-где в Англии еще их можно встретить. В общем, для этой сети сейчас тяжелые времена. Тот первый Спенсер умер, не знаю, кто его наследники, но я на одной вечеринке познакомился с наследником этого Маркса.

Милейший человек. Занимается китайскими иероглифами. Формально он владеет магазином, но на самом деле он ничем не занимается. Его этот бизнес абсолютно не интересует. Он интеллигент, увлеченный китаист. Весь в своей науке. Ему до лампочки вся эта одежная сеть. Просто это уже другое поколение. В нем (и это сразу видно) нет ни деловой хватки, ни энергии, ни понимания. Да и нет желания вообще бизнесом заниматься. Он вырос в условиях, когда всем уже был обеспечен. Когда не надо день за днем, с утра до вечера добиваться какого-то результата – иногда затянув пояс, постоянно просчитывая что-то, рискуя, разрабатывая новые ходы и связи. Когда это вопрос благополучия или нищеты, более того, жизни и смерти, для тебя и для твоей семьи. И в детстве, и в юности он был уже избавлен от этого. Вот у него сейчас и нет ни соответствующих навыков, ни чувства опасности. Ни расчетливости, ни азарта, необходимых для бизнеса.

Вот мне и кажется, что то же самое происходит и в политике. Поэтому, когда мы говорим о том, как поступает сегодня финансовая олигархия, мы должны иметь в виду, что это уже не та финансовая олигархия. Тогда, грубо говоря, это были «братки». Энергичные, нахрапистые, дерзкие. Умеющие выйти в своих замыслах за стереотипы. Вот они и создали эти финансовые империи. В принципе, как наши бандиты, то же самое. Морганы, Ротшильды, Рокфеллеры... – все это очень мощные фигуры были. Сегодня их наследники уже не те. Формально, конечно, они стремятся к тем же целям, но совсем иначе. Там уже совсем не та работа мысли, не то устремление, не те личные ставки. И в этом проблема нынешнего Запада и наша надежда. Нам это выгодно.

Так или иначе, в любом деле всё зависит от качества людей, которые им занимаются. Если бы сейчас были живы их дедушки, нам мало бы не показалось. А у этих словно атрофия воли. У всех хорошее образование, все хорошо живут. При этом все упоены могуществом своим. Причем настолько, что, мне кажется, у них почти нет чувства опасности. Вот это может стать проблемой и для нас.

Первый Рокфеллер был разносчиком газет. Генри Форд, который собирал сам машины, был механиком в чужой фирме. А сейчас люди совсем другого качества. И этот процесс неизбежен. Так империи и гибнут. Их основывают энергичные, смелые, дерзкие и очень умные люди. А постепенно, естественно, всё переходит в руки их потомков, которые уже сыты, а потому ничего не хотят. Они, может, и неплохие люди, но на большие дела не способны уже.

Поэтому, оценивая современную политику, я и вспоминаю свою встречу с наследником Маркса. У него в руках контрольный пакет, а

он ничего не делает. Даже не хочет задуматься, что можно сделать. И вот результат: эта, некогда колоссальная, сеть почти везде закрыла свои магазины. Теперь, вспоминая свою встречу с этим милым китайцем, я думаю – понятно, кто до этого довел.

Детские заговоры

М. К.: Раньше мы часто говорили о «теории заговора». Но способны ли на серьезный заговор вот эти потомки без энергии и хватки? Вам не кажется, что вообще это противостояние с Западом, как бесконечная тема ток-шоу и новостных передач, преследует цель – накручивать нас, «нагревать» против весьма отдаленных противников, тем самым отвлекая от серьезных внутренних проблем?

К. Ш.: Нет, не кажется. Противостояние с Западом, на мой взгляд, – это объективная история. Другое дело, что власть в определенной степени, конечно, этим может пользоваться. И она была бы очень глупой властью, если бы это не использовала. Если бы я был во власти, я бы тоже это делал. Надо понимать, что это часть политики. В этом смысле у меня претензий нет.

Но, с другой стороны, противостояние России и Запада – все равно объективный момент. И далеко не такой безобидный и отдаленный, как ты говоришь, в отношении опасности, которую Запад для нас представляет. Несмотря на ослабление его элит. Ведь и наша элита сегодня не ахти что собой представляет.

К сожалению, конфликт всегда в природе вещей. Противостояние всегда естественно в этом мире. Так и в жизни любого человека: если ты хочешь чего-то добиться, обязательно возникнет кто-то, кто захочет тебя приструнить и отбросить назад. Я не раз высказывался на эту тему и еще раз повторю: я верю в теорию заговора. Не потому, что тяготен к мистике. А потому, что я знаю жизнь. Я просто видел эти заговоры в этом кабинете. Сколько их сплеталось даже из-за сущей ерунды.

М. К.: Да, я помню, вы говорили, что даже дошколята в детском саду уже плетут какие-то заговоры.

К. Ш.: Еще как плетут. Ведь у каждого из них уже имеются свои желания, уже очень отчетливые. Каждый хочет что-то получить. Я помню, как я вел своего сына в детский сад. Он перед этим позавтракал дома. И вот мы подходим к детскому саду, и он мне так тихо: «Ты только не говори, что я позавтракал дома». То есть он хотел позавтракать и там тоже. Соответственно, он заранее просчитал, что может так случиться, что я скажу воспитательнице в раздевалке: «Он дома позавтракал, так что кормить его уже не надо». А ему хотелось и еще позавтракать. Наверняка даже не потому, что он голоден был. А потому, что это был его завтрак по праву. Или там что-то особо вкусное могли дать. Может быть, он просто конфету с чаем съесть хотел, не суть. Но я тогда подумал – надо же, ему всего 3 года, а чем тебе не заговор? Значит, так устроен человек.

За 5 метров лишней жилой площади, ради того, чтобы забор раздвинуть на 2 метра на участке, люди такие устраивают комбинации – качаешься! Ну как же в таком случае можно поверить, что ради власти над миром, ради сумасшедших денег, ради этого могущества люди не вступают в заговоры? Да постоянно вступают. Поэтому теория заговоров – это не мистика. Это реальность. Причем совершенно обыденная.

Другое дело, что далеко не все заговоры удаются. Более того, подавляющее большинство заговоров не удается. Или их реализация идет совсем не так, как запланировано. Иногда результат получается прямо противоположный. Потому что здесь вступает тот фактор, в который я, как ни странно кому-то, тоже крепко верю. Что все равно помимо нас есть сила, которая нас сильно редактирует. «Человек предполагает, а бог располагает».

Так вот, поскольку в природе человека заложены заговоры, то понятно, что Запад не может не пытаться с их помощью разрушить Россию. Не потому, что он плохой, а потому, что он такой же человеческий, как и мы. Был бы я или ты на месте Запада, точно так же мы себя вели бы. Зачем тебе такая огромная страна под боком, да еще напичканная оружием? Богатая, с колоссальным ресурсом.

Ты даже можешь любить русских, читать Толстого, Чехова и искренне полагать, что этим русским в разобранном, так сказать, состоянии гораздо лучше будет. Ведь наши либералы как нам говорят? «Вы развалитесь, вам же лучше будет. Вы все будете лучше жить». И некоторые из них так искренне думают. Может быть, это даже прекрасные, просто немного наивные люди. Им просто невдомек, что они – тоже часть заговора, их просто используют втемную. Они, конечно, начнут махать на меня руками, обвинять в ответ в шизофрении или в паранойе, попробуют засмеяться...

М. К.: Вот только засмеяться у них получается всё хуже и хуже. Актёрски всё слабее. Вы как режиссер это наверняка замечаете.

К. Ш.: Замечаю. И даже нахожу этому объяснение. Они уже всё меньше верят в свою роль. И сами начинают понимать, что то, что мы называем заговором, – объективная реальность. Что по-другому и не бывает. Действительно, не понимать этого теперь – это надо быть двухмесячным ребенком.